

«Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.)»

Станислава Тютюкина

В пространстве символики, которую рождает любая революция, персоналистским символам принадлежит особое место. Образы героев, жертв и злодеев прочно входят в историческую память, а их биографии нередко становятся парафразами истории самой революции. Александру Фёдоровичу Керенскому в этом смысле была уготована достаточно парадоксальная судьба. Став, бесспорно, одним из самых ярких символов Февральской революции 1917 года, он примерял на себя (конечно, не всегда по своей воле) каждый из трёх образов, но ни в одном не смог раскрыться. Заостря театральную метафору, можно сказать также, что он пробовался на все возможные политические роли, но ни на одну из них так и не был окончательно утверждён. Объяснялось ли это личными качествами Керенского, или стало отражением скомканной судьбы самого Февраля? А может быть, закономерно, что эта революция выдвинула на первый план именно такую личность? Как в поступках и судьбе одного далеко не самого выдающегося, хотя и не рядового человека эпохи могут раскрыться определяющие черты крупнейшего переворота в истории нашей страны, а во многом и всего мира?

Эти и другие подобные вопросы являются центральными в новой монографии известного российского историка, доктора исторических наук, главного научного сотрудника Института российской истории РАН С.В. Тютюкина¹. Они же закономерным образом оказались в центре дискуссии об этой книге и её герое. В обсуждении приняли участие профессор Александр Рабинович (Университет штата Индиана, США), доктора исторических наук А.И. Аврус (Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского), В.П. Булдаков (Институт российской истории РАН), Г.З. Иоффе (Монреаль, Канада), Б.И. Колоницкий (Европейский университет в Санкт-Петербурге; Санкт-Петербургский институт истории РАН), К.Н. Морозов (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), кандидат исторических наук Ф.А. Гайда (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), кандидат философских наук А.П. Новиков (Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина).

Борис Колоницкий: От подведения итогов к новым сюжетам

С.В. Тютюкин – известный знаток истории социалистических партий, прежде всего РСДРП². Автор совершенно справедливо рассматривает судьбу

¹ Тютюкин С.В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2012. 309 с.

² Тютюкин С.В. Война, мир, революция. Идеиная борьба в рабочем движении в России.

А.Ф. Керенского в контексте истории российского революционного и социалистического движения двух первых десятилетий XX в., и хотя в книге затрагивается и его личная жизнь, прежде всего, это политическая биография. Этим определяются и хронологические рамки исследования: в 1905 г. началось постепенное вхождение Керенского в большую политику, а после 1917 г. бывший глава Временного правительства уже не являлся влиятельным политиком, хотя ещё более полувека играл немалую роль в общественной жизни российской эмиграции.

Библиография трудов, посвящённых «революционному министру», насчитывает не один десяток названий. Автор критически использовал труды своих предшественников, в том числе и прекрасную книгу британского исследователя Р. Эйбрахама, остающуюся на сегодняшний день наиболее обстоятельным жизнеописанием Керенского, которая пока ещё явно недостаточно, на мой взгляд, знакома отечественным историкам³. Различные аспекты деятельности Керенского плодотворно изучали В.И. Старцев, Г.З. Иоффе, А.Г. Голиков⁴. Однако они не ставили перед собой задачу создания политической биографии «революционного министра». В современной российской историографии непосредственным предшественником Тютюкина является В.П. Федюк, книга которого, изданная в серии «Жизнь замечательных людей», вполне соответствует жанру подобных проектов и представляет собой популярную биографию Керенского⁵.

При работе над книгой Тютюкин использовал самые разнообразные источники. Прежде всего, это различные автобиографические, публицистические и исторические сочинения самого Керенского, который постоянно возвращался к событиям 1917 г., выступая как мемуарист, историк и публикатор, причём иногда его тексты представляют собой своеобразный сплав воспоминаний и исследований. Керенский не только полагался на свою память, но и привлекал различные источники (это присуще текстам и других деятелей той поры, так что вожди политических течений часто становились основоположниками соответствующих партийных историографических направлений, влияние которых ощущается и по сей день). В разные периоды он преследовал при этом различные цели. Первоначально занятия историей были для него важным инструментом борьбы с оппонентами, однако со временем всё большее значение приобретал и его собственный коммеморативный проект: он всё больше думал о своём месте в истории и стремился повлиять на дискуссии историков и политику памяти. И в известном смысле Александр Фёдорович смог реализовать свою цель: его автобиография определяла круг обсуждаемых в историографии вопросов даже в тех случаях, когда мемуаристы и исследователи не были готовы принять его выводы. Тютюкин привлекает эти источники, проявляя должную

1914–1917 гг. М., 1972; *он же*. Первая российская революция и Г.В. Плеханов. М., 1981; *он же*. Июльский политический кризис 1906 г. в России. М., 1981; *он же*. Меньшевизм: страницы истории. М., 2002; Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М., 1996; *они же*. Г.В. Плеханов: судьба русского марксиста. М., 1997.

³ Abraham R. Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution. L., 1987.

⁴ Старцев В.И. Керенский: Шарж и личность // Диалог. 1990. № 16; *он же*. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996; Голиков А.Г. Феномен Керенского // Отечественная история. 1992. № 5; Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995. Можно вспомнить и более ранние работы Старцева: «Бегство Керенского» (Вопросы истории. 1966. № 11. С. 204–206) и «Крах керенщины» (Л., 1982).

⁵ Федюк В.П. Керенский. М., 2009.

осторожность, но с большой долей уверенности можно предположить, что критическое изучение книг Керенского и дальше будет продолжено историками.

Важным источником являются речи Керенского, который тратил на публичные выступления очень много времени. Это отличало его от других политических деятелей 1917 г., воздействовавших на общественное мнение прежде всего с помощью публикаций (полагаю, что «бюджет времени» В.И. Ленина, П.Н. Милюкова и В.М. Чернова в этом отношении был схожим). Мемуаристы и историки с немалой иронией относились и относятся к страсти Керенского «артистично» произносить свои речи, однако для политика подобная тактика на определённых этапах могла быть вполне оправданной, поскольку журналисты охотились за каждым словом популярного министра и немедленно знакомили своих читателей с подробным изложением его выступлений (нередко присутствие журналистов даже предусмотрительно заранее обеспечивалось сотрудниками Александра Фёдоровича). Этот источник дополняют приказы и воззвания Керенского, стилистика которых, кстати, весьма отличается от его речей, а в некоторых случаях он вообще не был непосредственным автором этих текстов, хотя они также необычайно важны для понимания его позиции.

С.В. Тютюкин привлекает и многочисленные мемуарные свидетельства, прежде всего воспоминания политических деятелей и военных (А.А. Брусилов, А.А. Демьянов, А.И. Деникин, С.В. Завадский, В.М. Зензинов, П.Н. Карабчевский, А.С. Лукомский, П.Н. Милюков, В.Д. Набоков, П.А. Половцов, Н.Е. Савич, В.Б. Станкевич, Н.Н. Суханов, Ф.А. Степун, А.Г. Шляпников, И.Г. Церетели и др.), а также иностранных дипломатов, находившихся в 1917 г. в России (Дж. Бьюкенен, Р.Б. Локкерт, М. Палеолог, Д. Фрэнсис). Широко используется также «дневник» З.Н. Гиппиус, представляющий собой позднейшую компиляцию нескольких источников, которая отражает ретроспективное видение ею многих событий того времени. Для задач, поставленных в исследовании, этих мемуаров вполне достаточно. Полагаю, что дополнение их другими источниками личного происхождения никак не повлияло бы на выводы автора.

Для изучения деятельности Керенского в Государственной думе в 1912–1917 гг. автор использовал стенограммы её заседаний. Пожалуй, ни один другой историк не рассматривал пока ещё этот сюжет столь подробно. При исследовании же адвокатской практики будущего главы Временного правительства Тютюкин обращался к авторитетному юридическому еженедельнику «Право». В числе других источников монографии, используемых автором, – такие периодические издания 1917 г., как газеты «Армия и флот свободной России», «Вестник Временного правительства», «Новая жизнь», «Речь», «Русский инвалид», «Утро России». В книге также анализируются различные пропагандистские публикации 1917 г., в том числе брошюры, посвященные Керенскому. Наконец, Тютюкин изучил всевозможные документальные публикации, как отечественные, так и зарубежные. К последним относится существующий пока, к сожалению, лишь на английском языке сборник постановлений и распоряжений Временного правительства, изданный в США при участии самого Керенского⁶.

Солидная источниковая база и учёт достижений других историков позволили автору дать обстоятельную и взвешенную картину политической деятельности «революционного министра». Но порой Тютюкин, как мне представляется, преувеличивает возможность самостоятельных политических действий Алек-

⁶ Russian Provisional Government: Documents. Vol. 1–3. Stanford, 1961.

сандра Фёдоровича. При этом автор нередко следует устоявшейся мемуарной и историографической традиции, противопоставляющей «слабого» политика Керенского таким «сильным вождям», как Ленин и генерал Л.Г. Корнилов. Между тем ещё Л.Д. Троцкий назвал события 1917 г. «математической точкой русского бонапартизма». В этой пристрастной характеристике была, однако, и своя правда: ведь Керенский, возглавлявший различные ведомства, а затем и всё правительство, пользовавшийся немалой популярностью и имевший серьёзные финансовые ресурсы, не имел за собой политической партии и даже какого-либо организованного общественного движения. Опирались же на разбалансированный и отчасти разрушенный государственный аппарат было просто невозможно. В отличие от партийных вождей он целиком зависел от соглашения так называемых «живых сил страны», т.е. умеренных социалистов и контролируемых ими организаций (советы, комитеты, профессиональные союзы), с одной стороны, и либералов, предпринимателей и генералов – с другой. На политическом языке 1917 г. эти противостоящие/сотрудничавшие силы нередко описывались как «демократия» (в неё, впрочем, включались также большевики и их союзники) и «буржуазия». Керенский сам именовал себя «заложником демократии» во Временном правительстве первого состава. Но с таким же основанием его можно было бы назвать «заложником буржуазии» в Петро-совете. Соответственно, Керенский постоянно пытался сохранять соглашение между «демократией» и «буржуазией», умело используя закулисное давление и пропагандистские акции. Разумеется, особенности личности Керенского, его предшествующий политический опыт, теоретическая подготовка и организационные способности, наконец, его «политический импрессионизм» и тяга к ярким жестам – всё это влияло на принятие им важнейших решений, на что Тютюкин справедливо обращает внимание читателей. Но всё же очень многое здесь определялось расстановкой политических сил, причём вожди партий обладали большей свободой манёвра, и это следует учитывать при сопоставлении политической деятельности, например, Ленина и Керенского⁷.

В целом благодаря работе Тютюкина российский читатель получил возможность ознакомиться с обстоятельной научной политической биографией Керенского. Автор монографии подводит итог целому этапу изучения деятельности главы Временного правительства, обобщая выводы многих историков, а также проводит самостоятельное исследование некоторых сюжетов. Вместе с тем книга позволяет определить дальнейшие направления научного поиска, на что, кстати, Тютюкин сам указывает во введении к ней (с. 20).

Различные аспекты жизни и деятельности Керенского, бесспорно, могут изучаться на основе привлечения новых архивных источников, прежде всего материалов его фонда, хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации. Неисчерпаем информационный потенциал российской и зарубежной прессы 1917 г., причём исследователям следует поторопиться с работой над этими источниками: многие газеты приходят в негодность. Нельзя считать достаточно изученными семейные и дружеские связи Александра Фёдоровича. Между тем без исследования подобных неформальных связей невозможна и объёмная реконструкция его политической биографии. Дальнейшего изучения заслуживает его деятельность в качестве адвоката, причём полезно было бы

⁷ См.: Рабинович А. А.Ф. Керенский и В.И. Ленин как политические лидеры периода кризиса // Политическая история России XX века. К 80-летию профессора Василия Ивановича Старцева: Сборник научных трудов. СПб., 2011. С. 209–216.

детально реконструировать общественный резонанс, вызванный его участием в важнейших политических процессах.

Нельзя считать закрытой и «масонскую» тему в судьбе Керенского. Несмотря на публикацию важных источников и наличие ряда исследований отечественных и зарубежных историков⁸, здесь всё ещё остаётся много неясного. Нередко исследователи вынуждены ограничиваться предположениями, заполняя информационные лакуны связками, основанными на допущении того, что тайная организация стремилась не оставить следов своей деятельности. Так, С.В. Тютюкин вслед за некоторыми авторами указывает, что появление М.И. Терещенко во Временном правительстве объясняется его масонскими связями. Такую версию, разумеется, невозможно исключить, однако нельзя не вспомнить, что в начале 1917 г. Терещенко был уже довольно известным общественным деятелем, занимая пост заместителя председателя Центрального военно-промышленного комитета. Интересно, что при всём обилии невероятных конспирологических слухов о деятельности Керенского, масонская тема практически не разрабатывалась его противниками в 1917 г. Между тем в российских официальных изданиях публиковались адресованные Керенскому письма зарубежных масонов⁹.

Тщательного изучения заслуживает и то положение, которое Керенский занимал в партии социалистов-революционеров. Отношение к нему лидеров партии, активистов и рядовых эсеров, использование его имени в партийной пропаганде, открытая и скрытая критика Керенского на разных уровнях, в разных изданиях и различных регионах – всё это важно как для должной оценки самого политика, так и для правильного понимания ситуации в 1917 г. Это необычайно сложная задача, ибо расстановка сил внутри партии была весьма непростой и менялась крайне быстро, поэтому характеристика лидеров, группировок и изданий требует большой осторожности. Так, на с. 284 рассматриваемой книги газета «Дело народа» характеризуется как левоэсеровская, что вряд ли справедливо, ибо она была главным органом партии и отражала позицию центра. Изданием же левых эсеров была газета «Знамя труда», а линию сторонников Керенского в партии отражала «Воля народа».

Бесспорным достоинством книги С.В. Тютюкина можно считать то, что она адресована как преподавателям высшей и средней школы, которые стремятся

⁸ *Smith N.* The Role of the Russian Freemasonry in the February Revolution: Another Scrap of Evidence // *Slavic Review*. 1968. № 27. P. 606–608; *idem*. Political Freemasonry in Russia: A Discussion of Sources // *The Russian Review*. 1985. Vol. 44, № 2. P. 157–173; *Ливчак Б.Ф.* О политической роли масонов во второй русской революции // Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1977. Вып. 56. С. 141; *Соловьёв О.Ф.* Международный империализм – враг революции в России. М., 1982; *Norton B.T.* Russian Political Masonry and the February Revolution of 1917 // *International Review of Social History*. 1983. Vol. 28(2). P. 240–258; *Abraham R.* Op. cit. P. 61–62; *Старцев В.И.* Российские масоны XX века // Вопросы истории. 1989. № 6; Русское политическое масонство 1906–1918 гг.: Документы из Архива Губерновского института войны, революции и мира // История СССР. 1990. № 1. С. 139–145; *Николаевский Б.И.* Русские масоны и революция. М., 1990; *Андреев Д.А.* Эволюция политической доктрины русского масонства, 1906–1917 гг. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1993. № 4. С. 3–12; Л.Д. Кандауров о «Великом Востоке народов России» / Публ. Д.А. Андреева // Там же. 1994. № 3. С. 77–79; и др.

⁹ Так, в газете Военного министерства было напечатано письмо итальянских масонов Шотландского масонского ордена «Смешанный Международный». «Вольные каменщики» выражали в нём надежду, что русская армия приложит все усилия к доведению войны до победного конца, и предлагали «всем русским коллегам» присоединиться к итальянским масонам «для совместного распространения общих идеалов» (Русский инвалид. 1917. 24 мая).

получить не популярное издание, а строго научный текст, так и более требовательной группе читателей – отечественным и зарубежным исследователям истории Российской революции 1917 г. Она, как я уже отмечал, умело подводит итог определённому этапу развития историографии, связанному, прежде всего, с изучением истории политических партий. Разумеется, традиционное исследование основных субъектов революционного процесса требует продолжения и развития при условии привлечения новых источников. В то же время актуальными представляются и иные сюжеты, предполагающие и новое прочтение тех источников, которые, казалось бы, давно уже введены в научный оборот. Обращения к новым темам требует и историографическая ситуация, и общественный интерес. Например, различные аспекты биографии Керенского весьма важны для понимания процессов общественной мобилизации и демобилизации, перехода от гиперполитизации к политической пассивности. «Феномен Керенского» является замечательным объектом для «case-study» при изучении этих процессов, занимающих ныне социологов, политологов и антропологов.

Монография Станислава Васильевича Тютюкина не только подводит черту важного и интересного этапа историографического развития, но и обозначает стартовую линию для новых исследований. Я уверен, что её чтение не оставит равнодушным профессионального читателя, с автором хочется спорить, но спорить серьёзно, аргументированно, а это значит, что у книги будет интересная судьба.

Фёдор Гайда: «Будь я Карлейль, я написал бы “Жизнь, переписка и речи Керенского”»

Книга С.В. Тютюкина сочетает в себе два основных достоинства историко-биографического труда: она написана на основе внушительного корпуса источников и живо изображает человеческую личность, сыгравшую столь значимую роль на переломном этапе отечественной истории. Фигура Керенского провоцирует исследователя на гипертрофирование личных и политических черт его биографии, но монография этим не грешит. В ней присутствует взвешенный и критичный анализ жизненного пути Александра Фёдоровича. Как показывает автор, Керенский являет собой особый, хотя и достаточно распространённый тип революционера. Это публичный политик радикального направления, балансирующий на грани легального и нелегального и использующий средства борьбы из арсенала обеих этих сфер. «Звёздный час» таких политиков обычно приходится на начальную фазу революции.

Монография рисует портрет политика вполне объёмно, но на целом ряде отличительных черт Керенского стоило бы остановиться особо. С юных лет Александр Фёдорович рос в весьма комфортных условиях. В отличие от многих революционеров, он не был героем и аскетом, являясь скорее человеком нарциссического склада. Важно также отметить, что, даже став социалистом, он, в отличие от многих выходцев из верхов общества, не порвал со своими родителями. Впрочем, социалистом он, похоже, оказался достаточно случайно: никакой личной драмы в молодые годы Керенский не испытал, и ему не за что было «квитаться» с самодержавием. Скорее, наоборот: было за что чувствовать себя благодарным. Однако почти всё поколение Керенского, выросшее после контрреформ Александра III и впадшее в депрессию от консервативной псевдостабильности, ушло в социализм. Отставать от сверстников было нельзя, тем

более что искание популярности проявилось у Керенского ещё в юнoшестве, когда он пробовал себя в театральном образе Хлестакова.

Не стоит удивляться, что революционным борцом Керенский был всё же достаточно условно: от событий 1905 г. его надолго отвлекли смерть матери и рождение первенца. Лишь на пике революции он стал эсером и даже мечтал – скорее всего, вполне театрально – о роли цареубийцы. Два ареста, не имевшие, впрочем, никаких последствий, серьёзно дезориентировали несостоявшегося подпольщика (похоже, он даже обиделся на столь невнятное поведение полиции), однако последовавшая вскоре ссылка привела к потере всякого интереса к активному участию в деятельности эсеров. С этого времени и вплоть до лета 1917 г. Александр Фёдорович – с учётом его молодого возраста и пылкой натуры – поступал в высшей степени рационально. Стать специализирующимся на политических делах адвокатом и воспользоваться относительно широкими возможностями, предоставленными российской судебной системой, было со стороны Керенского очень разумным шагом. Многочисленные наследники адвоката Фетюковича из «Братьев Карамазовых» десятилетиями сколачивали на подобном поприще немалый материальный и символический капитал. Можно было даже выступать «скорее революционером, чем адвокатом», но вполне безболезненно и с немалой пользой для собственной карьеры.

На выборах в IV Думу 31-летний Керенский также баллотировался очень грамотно: в глухой провинции, да ещё и в обстоятельствах всеобщего абсентеизма столичный адвокат мог легко обеспечить себе имущественный ценз и имел все шансы победить. В результате 28 октября 1912 г. кадетский рупор – газета «Речь», ранее публиковавшая фотопортреты только избранных депутатов-кадетов, разместила изображения большевика А.Е. Бадаева, меньшевика В.Л. Геловани и Керенского¹⁰, тем самым признав его наиболее видным трудовиком. Дополнительные козыри давало участие в возрождённом масонстве. С.В. Тютюкин совершенно обоснованно не склонен к его демонизации (с. 40–41). Русское политическое масонство того времени, восстанавливавшееся в 1910–1912 гг., стало прямым следствием распада организационных структур левых партий: всех, кто боролся за демократию в различных её видах – от конституционной до социальной. Координация предвыборных усилий в 1912 г., а затем и консультации по поводу думской тактики были основным направлением масонской деятельности.

Керенский примкнул к масонам, скорее всего, в конце 1912 г., когда в Думе уже складывалось неформальное объединение левых кадетов, прогрессистов и меньшевиков, и стал в нём представителем трудовой фракции¹¹. Кадеты играли в масонском движении основную роль, но уже во время войны Керенский первым из социалистов стал секретарём «Великого Востока народов России», что было явным признаком кризиса радикально-либеральных сил. Скорее всего, смена Н.В. Некрасова на Керенского произошла перед летней думской сессией 1915 г.: в это время Некрасов покинул также кадетский ЦК, а активность Керенского, в том числе и связанная со сплочением оппозиционных сил, наоборот, резко возросла. Секретарские обязанности Александр Фёдорович и по своему темпераменту, и по личным обстоятельствам (пробывание в Финлян-

¹⁰ Речь. 1912. 28 октября.

¹¹ Соколов А.В. Русское политическое масонство в России в 1910–1918 гг. Персональный состав // Петербургская историческая школа. Альманах. Приложение к журналу для учёных «Клио». Памяти В.И. Старцева. СПб., 2002. С. 264, 271.

дии, тяжёлая болезнь и бурный роман с двоюродной сестрой жены) исправно выполнять не смог, и уже на летнем масонском конвенте 1916 г. его сменил меньшевик А.Я. Гальперн, позднее ставший управляющим делами Временного правительства. Однако, вероятно, уже в начале работы IV Думы стал складываться триумvirат в лице члена ЦК кадетской партии и товарища председателя ее фракции Некрасова, прогрессиста и товарища думского председателя А.И. Коновалова и Керенского, который был самым молодым из них, но как это и бывало в римских триумвиратах, стал «любимцем толпы» и в конечном счёте самым успешным политиком.

Будучи уже достаточно опытным судебным оратором, Керенский быстро прославился в Думе как один из левых трибунов. Но недостатка в ораторах в Думе не было (недостаток был, наоборот, в законотворцах), а потому на общем фоне даже располагавшийся на другом политическом полюсе Н.Е. Марков вплоть до ноября 1916 г. не считал речи Керенского опасными (с. 50). Однако по мере развития политического кризиса зажигательные речи, не прибавляя в содержании, приобретали всё больший и больший вес. В период летней сессии 1915 г. В.В. Розанов писал профессору-октябристу В.И. Герье: «Какое вообще печальное время. И не столько на войне, сколько в гражданском быту. Читали речь Керенского? Будь я Карлейль, я написал бы “Жизнь, переписка и речи Керенского”: вот сколько я живу на свете, я всё вижу, что Керенские впереди всех... Главная историческая фигура. И накануне собрания Г[осударственной] Думы, 18 июля, русский *министр внутренних дел* дал ему 2-часовую аудиенцию, на которой Керенский излагал ему о несправедливых страданиях Бурцева. Вот и история... Между тем, я никогда не позволил бы этому Керенскому войти в квартиру свою дальше передней, — ибо это есть просто сын, притом тусклый, бездарный, маниакальный какой-то, я думаю, в тайне вещей сумасшедший от бессилия сказать хотя бы одну *мысль* при непрерывной *потребности говорить*. Господи, Господи, что делается! И эти люди обвиняют правительство в разложении (М. Скобелев), тогда как *вся Россия* разлагается от них, и разлагается добрых 50 лет, и ничего она не может делать, как разлагаться!!»¹². Накануне Февральской революции Керенский стал чуть ли не ведущей леворадикальной скрипкой думского оркестра. Стоит отметить, что из всех речей, произнесённых в знаменательный день 1 ноября 1916 г., лишь речь Керенского в конечном счёте была полностью запрещена цензурой (остальные были допущены, хотя и с купюрами)¹³.

Позиция Керенского по отношению к войне не была столь однозначной, как это изображалось в работах советского времени. Ещё до её начала Керенский и меньшевик Н.К. Чхеидзе 4 марта 1914 г. выступили в Думе с внеочередным заявлением по поводу неприглашения их фракций на думское совещание, где обсуждались сверхсметные ассигнования на оборону. Депутаты выразили «решительный протест» против решения Думы об увеличении расходов на армию¹⁴. Как отмечает С.В. Тютюкин, с началом войны Керенский был не так далёк от циммервальдовских принципов (с. 82–83). Отношение к войне поменялось лишь после Февральской революции.

¹² ОР РГБ, ф. 70, к. 51, д. 44, л. 25–26. Выделенное курсивом подчёркнуто в оригинале.

¹³ РГАЛИ, ф. 1701, оп. 2, д. 107, л. 113.

¹⁴ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. Стенографические отчеты. Ч. II. СПб., 1914. Стб. 1345–1347.

В 1916 г. Керенский потерял семью и почку, но зато обрёл новую любовь и фактическое лидерство в партии эсеров. Партийная структура была в развале, а думский статус Керенского давал ему огромное преимущество. Стоит хотя бы вспомнить, что Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета резко активизировала свою деятельность именно после упомянутых думских выступлений 1 ноября¹⁵, поистине ставших «штурмовым сигналом» революции.

«Штаб Керенского», якобы осуществлявший подавление контрреволюционных сил в Петрограде в дни Февральской революции – это безусловный историографический миф. Однако то, что фактически (или, скорее, символически) во главе революции оказался человек с неврастеническими склонностями, является еще одним аргументом в пользу её преимущественно стихийного характера. Политическое амплуа Керенского (балансирование на грани легального и нелегального), обеспечивавшее ему неизменный успех и ранее, в начальный период революции предоставило шанс на молниеносную карьеру. В результате Александр Фёдорович занял при министрах-либералах место заботливого и строгого опекуна, ранее занимаемое при муже-императоре Александрой Фёдоровной. Став министром, Керенский поначалу признавался в адвокатских кругах, что царя (точнее, не его одного, а 2–3 фигуры) можно было бы казнить, но при первых же протестах собеседников он от своего желания отказался (с. 130). Впрочем, и Александра Фёдоровна, накануне Февраля считавшая, что «Кедринского за его ужасную речь стоит повесить»¹⁶, на исполнении своего желания также не настаивала. Правда, в отличие от неё, его даже не арестовали.

Как отмечает С.В. Тютюкин, Керенский не покушался на буржуазный строй (с. 5). Более того, и в рамках буржуазной логики министр юстиции мог бы действовать пожестче. Ведь даже бывший губернатор Н.П. Муратов, человек весьма правых взглядов, в частном письме от 26 марта 1917 г. хвалил Керенского как спасителя России от ужасов Великой Французской революции¹⁷. Ликвидируя репрессивный аппарат самодержавия, правительство изначально предпочитало политику ласковых уговоров. Рука Керенского оказалась на перевязи от многочисленных рукопожатий, лишь позднее очутившись за бортом френча с явным намёком на бонапартовский образ. Однако можно ли саму эту политику оценивать как буржуазную? Была провозглашена политическая амнистия, касавшаяся и террористов как «героев революции» и «жертв царизма». Власть не препятствовала явочному установлению 8-часового рабочего дня и рабочего контроля на заводах. Создавались министерства труда и государственного призрения. Летом 1917 г. были введены прогрессивный налог и налог на сверхприбыль. Земельная собственность и железные дороги оказались под контролем общественных комитетов. Произошла широкая демократизация местного самоуправления. По европейским меркам, Временное правительство проводило вполне социалистическую политику. Подобная политика далеко не обязательно подразумевала принятие декретов о мире и земле и отказ от иностранных долгов, хотя теоретически все эти вопросы и могли бы обсуждаться на Учредительном собрании. Но лишь большевики смогли отважиться на это, не

¹⁵ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти. 1914 – весна 1917 г. М., 2003. С. 257.

¹⁶ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. М.; Л., 1927. С. 215.

¹⁷ ГА РФ, ф. 1467, оп. 1, д. 60, л. 72 об.

обращая внимания на международную изоляцию, германские штыки и угрозу гражданской войны. То, что до сих пор торжественно именуется «первыми мероприятиями Советской власти», было безоглядной популистской политикой, которую через несколько месяцев пришлось исправлять мерами военного коммунизма. Можно согласиться с вынужденным характером того и другого, но ведь это не значит, что предшествующий более «мягкий» вариант политики, которому следовало Временное правительство, был буржуазным.

Пост министра юстиции в революционном правительстве был хорош лишь как стартовая площадка. Ключевой должностью в нём в период Великой войны являлась должность военного министра: именно на этом месте можно было стяжать бессмертную славу «защитника революции». Опираясь на Петросовет и старых товарищей – Н.В. Некрасова и М.И. Терещенко (этот заводчик оказался гораздо более приспособленным к обстоятельствам, чем А.И. Коновалов), Керенский начал создавать неофициальное ядро Временного правительства. В обстановке начавшегося развала страны и стремительной радикализации настроений это вполне можно было сделать. В середине марта он повёл интригу против военного министра А.И. Гучкова, секретно встречаясь с представителями комиссии А.И. Поливанова, отвечавшей за реформу армии. Помощник военного министра П.А. Пальчинский уже в это время предвидел «поглощение Гучкова Керенским»¹⁸. Примечательно, что при вступлении в новую должность Александр Фёдорович ещё был безудержно левым. Лишь после майской поездки на фронт он начал «праветь», поняв, что без поддержания элементарной дисциплины предстоявшее «революционное наступление» на фронте будет провалено.

В начале июля 1917 г. ставший главой правительства Керенский достиг пика своей карьеры, и теперь логика событий требовала укрепления отношений с генералитетом. Ничего другого в условиях нараставшей анархии и катастрофы на фронте делать было нельзя. Однако совещание премьера с генералами 16 июля, на котором обозначилось их полное взаимное непонимание, стало поворотным моментом как для судеб Февраля, так и для карьеры Керенского. Импровизированная замена Брусилова на Корнилова в качестве главнокомандующего и быстро обозначившееся расхождение во взглядах с последним означали начало заката. Новоиспечённый председатель правительства с этого времени перестал действовать в рамках «буржуазной» логики и вынужден был менять свою опору: в борьбе с генералитетом пришлось опираться на левых радикалов, но что было делать дальше? Все социалисты, приходившие во власть в Европе, неизбежно правили: так было и в 1848 г. в Париже, когда социалист А. де Ламартин предпочёл национальный триколор красному знамени, так было и в Лондоне в 1997 г., когда лейбористы во главе с Т. Блэром вышли на парламентские выборы уже не с прежним красным партийным флагом, а с «внеклассовой» красной гвоздикой. Русская социалистическая традиция оказалась иной, причём Керенский – не исключение. Его договорённость с военными сделала бы корниловское выступление ненужным: правительству достаточно было бы просто согласиться с теми мерами, на которых настаивали генералы (в первую очередь, с восстановлением смертной казни в тылу) и провести их своей властью. Однако в этом случае левая риторика Керенского стала бы ширмой для сменившегося политического курса, а играть такую роль новоявленный премьер не хотел. Он не захотел стать «кровавой собакой Носке» (возможно, только Б. Савинков

¹⁸ Половцев П.А. Дни затмения. М., 1999. С. 51–53.

в той ситуации и мог бы примерить на себя эту роль) и потому не имел никаких шансов сохранить власть. Причём, отказавшись от корниловского плана восстановления смертной казни в тылу, социалисты открывали в скором будущем перспективу красного террора – гораздо более масштабного. В результате весь 1917 год провинциальный Симбирск мстил столичному Петрограду: в начале года симбирец Керенский арестовал своего земляка Протопопова, чтобы в конце года спастись от другого своего земляка – Ленина.

Керенский, конечно, не был политическим гением (с. 299–300). Однако и искренним борцом за светлые идеалы (с. 290–291) он, на мой взгляд, тоже не являлся. Нашував в 25 лет разумную карьерную стратегию, Александр Фёдорович так её и не изменил, что принесло ему успех при «старом порядке» и в ходе начавшейся революции (когда день шёл за год). Однако уже в 36 лет он превратился в «бывшего». Более всего греша самолюбованием, он искал такого поприща, которое сулило лавры популярности и всенародного признания. Отказать себе в этом Керенский не мог ни при каких обстоятельствах. В достижении этой цели он действовал весьма рационально – и не его вина в том, что очередная революционная волна накрыла его с головой. Керенский стал настоящим символом Февраля – скороспелого и истеричного. Не зря П.Б. Струве считал его «историческим выкидышем»¹⁹. Вспоминаются также слова А. де Токвиля, произнесённые по поводу другой Февральской революции – 1848 г. в Париже: «Разыскивать, какими тайными заговорами подготавливались события этого рода, было бы напрасной потерей времени. Революции, которые совершаются взволнованным народом, обыкновенно бывают скорее предметом желаний, чем предметом тщательной подготовки. Кто хвастается тем, что был их зачинщиком, тот только извлекает из них для себя пользу. Они возникают сами собой из общего болезненного состояния умов, внезапно доведённых до кризиса каким-нибудь случайным обстоятельством, которого никто не предвидел; что же касается мнимых руководителей и подготовителей этих революционных движений, то их единственная заслуга состоит в том же, в чем заключается заслуга тех искателей приключений, которые открыли большую часть неизвестных стран. Они имели смелость постоянно идти вперёд, пока дул попутный ветер»²⁰.

Александр Рабинович: Самоанализ был ему чужд

Сейчас с почти уже вековой перспективы российская революция 1917 г. представляется сложным и динамичным социально-политическим процессом, обусловленным глубокими социальными противоречиями позднего имперского периода, которые были многократно усилены тяжелейшими испытаниями Первой мировой войны. Продолжением революции стала жестокая схватка за власть в 1917 г. и кровавая Гражданская война, как известно, приведшая к созданию однопартийного режима, который на протяжении большей части XX в. был важнейшим фактором международной политики. При И.В. Сталине этот режим превратился во всеильную и сверхрепрессивную диктатуру. С другой стороны, успех большевиков положил начало гигантскому эксперименту по строительству эгалитарного социалистического общества, который

¹⁹ Возрождение. 1927. 12 марта.

²⁰ Токвиль А. де. Воспоминания Алексиса Токвиля, изданные графом Токвилем. М., 1893. С. 40–41.

хотя и провалился, но продолжает вызывать живой интерес во всем мире. Так что не будет преувеличением утверждать, что российская революция 1917 г. была одним из самых значительных исторических событий XX в., если не *самым* значительным из них. Керенский же был одним из её лидеров, «культовой фигурой», на короткое время вставшей вровень с Лениным и Троцким.

На протяжении длительного времени научное изучение революции и её главных лидеров блокировалось в российской (точнее, в советской) историографии идеологическим контролем над наукой, а в западной – глубоко укоренившимся антикоммунизмом и видимой скудостью доступных источников. На Западе ситуация стала меняться в 1960-х гг., когда новое поколение исследователей стало активно заниматься социальной историей, а в Советском Союзе – спустя ещё два десятилетия, накануне горбачёвской перестройки, когда контроль над историками существенно ослаб. Однако после распада СССР ожидания западных русистов, что политическая и культурная либерализация приведёт к немедленному оживлению историографии революционных событий и появлению множества свежих работ российских коллег на эту тему, за некоторыми важными исключениями, не оправдались. Первые два постсоветских десятилетия ознаменовались публикацией целого ряда масштабных и превосходно аннотированных документальных компендиумов, посвящённых сильно искажавшейся до того истории небольшевистских партий, а также таким политическим институтам, как Петроградский Совет и Петербургский комитет РСДРП(б)²¹. Вышли в свет и очень ценные энциклопедические издания²². Однако появление серьёзных оригинальных исследований о революции затормозилось вновь, на этот раз, очевидно, из-за падения интереса к самой теме, которая была и остаётся чрезмерно политизированной. Одновременно на российских читателей обрушился целый поток малодостоверных сенсационных «разоблачений» Ленина, большевиков и большевизма, ставших плодом творчества журналистов и популярных писателей. На этом фоне появление увлекательно написанной и вместе с тем глубокой работы С.В. Тютюкина не может не радовать, поскольку свидетельствует о том, что взвешенные, аргументированные эмпирические исследования в российской историографии по-прежнему пользуются вниманием и интересом.

Керенский был очень сложной фигурой, и потому его судьба представляет для историка особый вызов. Поначалу он получил известность как блестящий адвокат в серии сенсационных политических процессов 1905–1912 гг., а затем – как пламенный оратор левого фланга IV Государственной думы. Накануне и в ходе падения монархии он уже был видным политическим деятелем, выделялся своими яркостью и динамизмом, что помогло ему стать одним из видных членов Временного правительства, а затем, с июля 1917 г. – его по-

²¹ См. продолжающееся многотомное издание «Политические партии России, конец XIX – первая треть XX в.: документальное наследие», выходящее в издательстве «РОССПЭН», а также: Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году / под ред. Б.Д. Гальпериной, О.Н. Знаменского и В.И. Старцева. СПб.; М., 1991–2003; Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году: протоколы и материалы заседаний / Под ред. Т.П. Абросимовой, Т.П. Бондаревской, Е.Т. Лейкина и В.Ю. Черняева. СПб., 2003. К сожалению, за исключением последнего издания, не переиздаются очень важные документы по истории большевистской партии в период революции, хотя публикации советских времён, как теперь ясно, содержат множество пропусков и искажений.

²² См., например: Политические деятели России, 1917: биографический словарь. М., 1993; Политические партии России, конец XIX – первая треть XX в.: Энциклопедия. М., 1996.

следним председателем. Эрудированный, энергичный и амбициозный человек, талантливый (хотя и склонный к театральности) оратор, он был в то же время невероятно тщеславен, политически близорук, а, будучи в плохом расположении духа, легко впадал в истерику и совершал множество ошибок. Тютюкину удалось схватить и передать все эти черты характера Керенского. Проведя читателя через все этапы переменчивой и относительно короткой политической карьеры героя книги (в момент падения Временного правительства тому было всего 36 лет), автор показал, что к октябрю 1917 г. в том числе и из-за своего характера Керенский уже был политическим банкротом, лишённым чьей бы то ни было поддержки.

Многие аспекты деятельности Керенского до сего дня остаются загадочными или дискуссионными. В частности, это, конечно, относится к той роли, какую сыграло в его судьбе членство (вместе с ближайшими сотрудниками) в масонской ложе. Тютюкин обстоятельно и взвешенно разбирается в политическом значении масонства для Думы и Временного правительства, а также в многолетних спорах вокруг этого сюжета. Он приходит к убедительному выводу, что хотя принадлежность к масонам помогала Керенскому и его коллегам по правительству налаживать полезные связи и достигать политических договорённостей, партийные и идеологические пристрастия в конечном счёте явно преобладали у них над масонскими.

На мой взгляд, образцовая политическая биография должна не только рисовать яркий портрет своего героя, но и воссоздавать исторический контекст, в котором тот действовал. Как уже говорилось, первая из этих задач Тютюкину, несомненно, удалась. Более того, он смог очень искусно и в то же время ненавязчиво рассказать читателю о социально-политическом фоне, на котором проходило становление Керенского как человека и политика в Симбирске, Ташкенте и Санкт-Петербурге вплоть до осени 1917 г. Однако интерпретация автором того контекста, который определял поведение премьера в недели, непосредственно предшествовавшие падению Временного правительства и приходу к власти большевиков, на мой взгляд, нуждается в некоторых дополнениях. Поясню, что я имею в виду. Ключевая роль, которую большевики сыграли в разгроме провалившегося корниловского мятежа, резко увеличила поддержку их популистской программы со стороны рабочих и солдат Петрограда. Примерно на это же время пришёлся социальный взрыв в среде крестьянства, недовольного недостаточно быстрым, как ему казалось, решением земельного вопроса. А после того как в сентябре не сбылись надежды, что Всероссийское демократическое совещание сформирует на основе Советов однородное социалистическое правительство, столичные большевики при поддержке левых эсеров взяли на вооружение необычайно популярные в массах лозунги передачи (не дожидаясь Учредительного собрания) всей власти Всероссийскому съезду Советов и немедленного заключения мира. С этого момента они положились на приспособленную к ожиданиям масс и потому очень эффективную стратегию относительно мирного подрыва власти Временного правительства и облегчения перехода её к Советам в центре и на местах.

Объясняя действия Керенского на посту главы правительства и причины его фиаско, Тютюкин указывает на то, что тот недооценивал политическое значение Советов и, соответственно, без всякого интереса относился к перспективе сотрудничества с лидерами Петроградского Совета. Однако значение Советов коренилось именно в их поддержке массами. На мой взгляд, чтобы

объяснить провал и Керенского, и лидеров умеренных социалистов в 1917 г., а также до конца понять сложную динамику, приведшую к власти большевиков, саму природу большевистского переворота, необходимо особо подчеркнуть существовавшую тогда неразрывную связь роли революционных советов с массовой поддержкой идеи народного самоуправления. Оставив в стороне личные слабости Керенского, сомнительно, что в тогдашней ситуации шанс на политическое выживание могли бы получить какие бы то ни было лидеры или группы, не способные или не желающие недвусмысленно поддержать массовые ожидания немедленных и радикальных социальных и политических перемен. В этом смысле, пожалуй, наиболее важным уроком событий 1917 г. является тот, что лучший способ избежать разрушительных последствий революционного взрыва – это смягчать социально-политическую напряжённость в стране, *не дожидаясь* того, что революция станет восприниматься большинством её населения как единственное средство борьбы с несправедливостью существующей системы.

В заключение хотел бы сказать ещё об одном. В конце своей книги С.В. Тютюкин пишет о том, что в эмиграции Керенский много размышлял о своих личных «ошибках» в 1917 г. и о промахах в деятельности всего Временного правительства, которые и привели его к падению. В их числе выделял он то, что не были арестованы Ленин (за антивоенную деятельность ещё до возвращения в Россию) и Корнилов (за свои политические амбиции, проявившиеся вскоре после назначения главнокомандующим). Возможно, автор прав, всерьёз воспринимая эти запоздалые размышления, зафиксированные Керенским в одной из его поздних рукописных заметок. Они действительно демонстрируют неспособность бывшего премьера трезво оценить как собственные слабости и ошибки, так и фундаментальные политические и социально-экономические реалии, игнорирование которых и привело его к краху. Однако подлинный самоанализ, на мой взгляд, был ему чужд, а все попытки рефлексии оставались неискренними или очень мимолётными. Показательно в этом отношении интервью, которое я брал у него весной 1963 г., когда работал над своей диссертацией и первой книгой²³. Керенский «принял» меня в просторной библиотеке эlegantного особняка в фешенебельном районе Нью-Йорка, где он тогда жил. Он восседал в похожем на трон приподнятом кресле во главе длинного стола. Я старался формулировать свои вопросы тогда уже очень ослабевшему, почти слепому человеку очень осторожно, всячески стараясь никак его не задеть. Однако мне не удалось скрыть свою точку зрения, что главной причиной июльского восстания в Петрограде были отнюдь не «немецкие деньги». Как только Керенский понял её, он моментально рассвирепел и резко прекратил нашу беседу. В итоге она продолжалась менее получаса.

Генрих Иоффе: Человек 17-го года

Именно так известная писательница Нина Берберова (эмигрантка с 1922 г.) назвала Александра Фёдоровича Керенского, прожившего (в России и за границей) почти до 90 лет, но совершившего всё самое интересное, значительное и драматическое в своей жизни на протяжении всего одного, хотя и поистине судьбоносного и для него, и для России, и для всего мира 1917 года. Не случайно политической биографии этого человека, при непосредственном учас-

²³ См. русское издание: Рабинович А. Кровавые дни: июльское восстание 1917 г. в Петрограде. М., 1992.

тии которого в тот год в России произошли сразу две революции, и посвящена обсуждаемая сегодня новая книга доктора исторических наук С.В. Тютюкина. Закономерно также, что её автор основное своё внимание сосредоточил именно на том, чтобы показать, как и почему этот год стал для его 36-летнего героя сначала «звёздным часом», когда он неожиданно для миллионов россиян (а возможно, и для себя самого) превратился в человека № 1 огромной страны, а потом и «могильщиком» его политической карьеры (хотя бывший премьер и прожил в эмиграции после своего отрешения от власти ещё более полувека).

Я тем более охотно принял предложение редакции журнала «Российская история» принять участие в обсуждении книги С.В. Тютюкина, что знаю автора уже много лет. В 1968–1995 гг. мы вместе работали в Институте истории СССР АН СССР (Институте российской истории РАН) над близким кругом проблем, включающих и историю революций 1917 г. в России. Приходилось мне писать и о Керенском²⁴, да и многих современных российских специалистов по этой тематике я не раз лично встречал и знаю их труды.

Сразу же скажу о своей высокой оценке обсуждаемой книги, её отличном литературном языке и интересных выводах автора, а главное – о принципиальном совпадении наших с ним взглядов на феномены «керенщины» и «корниловщины». Порадовало меня, в частности, и то, что мы одинаково высоко оценили книгу Ричарда Эйбрахама, до сих пор остающуюся лучшей западной работой о Керенском²⁵. Памятуя о своём давнем интересе к событиям 1917 г. в России и, в частности, к «корниловщине» (а теперь ещё и «черемисовщине» и «красновщине»), я решил сосредоточиться в настоящем отклике на проблеме «Керенский и русская армия в 1917 г.», которая занимает очень значительное место в книге Тютюкина.

Впервые Керенский познакомился с Л.Г. Корниловым ещё весной того памятного года. Александр Фёдорович был тогда министром юстиции Временного правительства, но активно вмешивался в его работу в целом как единственный тогда министр-социалист, а Лавр Георгиевич командовал войсками Петроградского военного округа. Знакомство произошло в дни апрельского правительственного кризиса и обострения социальной и политической борьбы в столице, причём генерал предлагал ударить по демократии военной силой, а Керенский, естественно, был против и выиграл этот спор, после чего Корнилов уехал на фронт.

В мае Керенский к удивлению многих сам стал военным и морским министром в первом коалиционном составе Временного правительства. Позже он изображал это как своего рода подвиг и личную жертву в интересах России, поскольку, будучи глубоко штатским человеком, якобы не мог не «выручить» правительство, оказавшееся в трудном положении после неожиданной отставки А.И. Гучкова, и не откликнуться на единодушное мнение командующих фронтами, назвавших его имя в качестве нового военного и морского министра. В действительности же Керенский был очень рад своему новому амплуа, ибо уже с апреля мечтал о poste премьеры, а когда этот вариант сорвался, решил попытаться стать «хозяином» вооружённых сил, что было совсем нелишне для осуществления его плана превратиться в «хозяина» уже всей России.

²⁴ См.: *Иоффе Г.З.* «Белое дело». Генерал Лавр Корнилов. М., 1989; он же. Семнадцатый год...; а также многочисленные статьи – *Прим. ред.*

²⁵ *Abraham R.* Op. cit. См. мою рецензию на эту книгу: *Иоффе Г.З.* Возвращение Керенского // История СССР. 1992. № 1.

Я помню, как впервые прочитал ещё в 1998 г. в парижской «Русской мысли» воспоминания однокашника Ленина по симбирской гимназии А. Коринфского, наблюдавшего когда-то, как директор гимназии (отец Керенского) вёл трёхлетнего Сашу по лестнице, приговаривая: «Вперёд! Вперёд, Александр Македонский! Вперёд, вверх со ступеньки на ступеньку!»²⁶. Сын усвоил урок и превратил его в своё жизненное кредо, взявшись в конце концов и за руководство армией.

В мае он подписал «Декларацию прав солдата», формально распространив на все вооружённые силы демократические права военнослужащих, впервые провозглашённые в знаменитом приказе Петросовета № 1 для войск столичного гарнизона. Широкое освещение в прессе и целом ряде патриотических брошюр получила и майская поездка Керенского по войскам ряда местных гарнизонов, фронтовым частям и Черноморскому флоту. Однако попытки Керенского реально осуществить согласованный с союзниками ещё при царе план контрнаступления на Восточном фронте закончились полным провалом. Правда, министр сумел оправдаться перед Временным правительством, свалив вину на агитацию большевиков, силу германских войск и недостаточные поставки военной техники, но его пыл как «главноуговаривающего» солдат и офицеров идти в наступление на врага заметно поубавился. Армия явно не хотела продолжать войну.

Однако Керенский запомнил, что, несмотря на провал его планов, генерал Корнилов, командовавший Юго-Западным фронтом, добился некоторых успехов, проявив при этом твёрдость и даже жестокость по отношению к дезертирам, мародёрам и паникёрам. По настойчивому совету (если не требованию) Корнилова, А.А. Брусилова и других он ввёл 12 июля смертную казнь на фронте в целом, но применять её на практике так и не решился, опасаясь солдатских бунтов. И хотя позже Корнилов добивался введения её и в тылу, Керенский, хорошо понимая, какова будет реакция Советов и левых партий, делать этого не собирался. 19 июля по совету правительственных военных комиссаров на Юго-Западном фронте эсеров Б.В. Савинкова и М.М. Филоненко Керенский назначил Корнилова Верховным главнокомандующим вместо А.А. Брусилова. При этом он даже не подозревал, что вместо прежнего противоборства с П.Н. Милюковым, закончившегося для Керенского победой, он начинает новую, более опасную дуэль не только с Корниловым, но и с его многочисленными сторонниками, включая представителей высшего военного командования, торгово-промышленных кругов, членов «Союза офицеров армии и флота», партии кадетов и др.

Здесь мы подходим к так до конца и не проясненной проблеме «корниловского мятежа/путча»: существовал ли он вообще и кто был его главным инициатором, почему он был так быстро подавлен, была ли ещё и «вторая корниловщина», о которой позже говорили большевики? С.В. Тютюкин вносит в решение этих вопросов много нового, причем его выводы представляют интерес и для понимания нашей новейшей советской и постсоветской истории. И всё же какие-то тайны и недоговорённости здесь (как и, например, в вопросе о роли масонства в политической судьбе Керенского) ещё остаются. Выскажу лишь некоторые свои соображения по этому поводу.

Корнилов слыл генералом «крепкой руки». Как считал Савинков и не только он, сочетание этой сдерживающей, крепкой руки с демократическим красным

²⁶ Русская мысль. 1998. 22–28 января. С. 10.

флагом Керенского могло бы стать как раз тем фактором, который способен был укрепить послефевральский режим и власть Временного правительства во главе с Керенским. Часть генералов и офицеров Ставки в Могилёве склонялась к поддержке этой идеи, тогда как другие считали, что, прикрываясь Керенским, следует готовить установление военной диктатуры Корнилова. Сам же он требовал от Керенского безотлагательного проведения в жизнь чрезвычайных мер, способных, по его убеждению, положить предел развалу государства. Фактически Корнилов ставил вопрос о достижении этой цели с помощью милитаризации всей страны. И хотя относительно установления собственной диктатуры он прямо не высказывался, в генеральско-офицерском кругах она рассматривалась как вполне возможная и даже необходимая.

В книге Тютюкина показано, что уже вскоре после прибытия Корнилова в Могилёв там образовалась (главным образом из членов «Союза офицеров армии и флота») «корниловская группа», видевшая в новом Верховном главнокомандующем будущего диктатора. Группа направляла своих членов в Петроград для установления связей с офицерами-корниловцами и с гражданскими политиками, главным образом кадетами. Однако кадетские политики осторожничали и колебались, опасаясь и возможного провала корниловцев в случае выступления, и их удачи. Им было ясно, что в первом случае возрастет политический капитал левых, революционных сил, а во втором – вероятность военной диктатуры, которая могла бы перечеркнуть их февральскую победу.

Между тем альянс Керенского (посредством прежде всего получивших повышение Савинкова и Филоненко) с Корниловым продолжался. Они договорились для укрепления обороны Петрограда (после сдачи немцам Риги) в 20-х числах августа перебросить к столице и в её пригороды 3-й конный корпус генерала А.М. Крымова и так называемую Туземную дивизию. Ко времени их прибытия Петроград и близлежащие районы следовало объявить на военном положении, причём на случай нового (по примеру июльского) антиправительственного выступления большевиков эти корниловские части должны были, как теперь говорят, произвести «зачистку» столицы от революционных элементов. При этом бескомпромиссный, решительный Крымов, который являлся твёрдым сторонником военной диктатуры, готов был «зачистить» город не только от большевиков, большевистски настроенных Советов и других связанных с ними организаций, но и «разобраться» с Временным правительством. Однако Корнилов, мало уступавший Крымову в решительности, проявлял гораздо большую осторожность. У него был некоторый политический опыт, и по крайней мере декларативно он выражал готовность к сотрудничеству с Керенским и заявлял о поддержке идеи созыва Учредительного собрания.

Как известно, 26 августа 1917 г. 3-й конный корпус и Туземная дивизия по приказу Корнилова двинулись на Петроград. Трудно сказать, чем бы все это могло закончиться, если бы не совершенно неожиданное появление в столице и вмешательство в отношения Керенского и Корнилова бывшего обер-прокурора Синода В.Н. Львова. Чем оно было вызвано – стремлением вновь вернуться в большую политику, масонскими (как считают некоторые) связями с Керенским или каким-то временным «наваждением» Львова – сказать трудно. У этого человека многие и раньше (да и позже) замечали некоторые «отклонения» и «странности». Между прочим, после окончания Гражданской войны он эмигрировал, затем в начале 1920-х гг. объявил себя «сменовеховцем», сторонником Советской власти и вернулся в Россию. Здесь он стал управделами Высшего

управления обновленческой церкви, а позднее, по некоторым данным, отошёл и от неё и даже был редактором журнала «Безбожник». В августе же 1917 г., курсируя между Петроградом и Могилёвом и представляясь Керенскому его верным сторонником, а Корнилову посланцем Керенского, Львов в конце концов 26 августа сообщил Керенскому буквально потрясшую того информацию, добытую им в Ставке.

В соответствии с ней требования Корнилова сводились к тому, чтобы объявить в стране военное положение и передать всю власть Верховному главнокомандующему. Что касается министров Временного правительства, в том числе и премьера Керенского, то они будут отправлены в отставку. От себя Львов добавил, что в Ставке Керенского ненавидят, и потому он ни в коем случае не должен приезжать в Могилев, так как там его могут убить. Возникает естественный вопрос: неужели Корнилов был, мягко говоря, настолько прост, чтобы раскрывать почти неизвестному человеку замыслы государственного переворота? В действительности на встрече с Львовым он высказывался лишь в том смысле, что необходима сильная власть, не исключаяющая и установление диктатуры (коллективной или личной). Для обсуждения этого и других вопросов Керенскому и Савинкову, считал Корнилов, следовало бы прибыть в Ставку как в наиболее безопасное и спокойное место.

Выслушав Львова, Керенский повёл себя так, как будто заранее лишь ждал повода устранить Корнилова со своего пути. Однако необходимы были улики, и Керенский решил лично «проверить» информацию Львова. Связавшись с Корниловым по телеграфу, премьер попросил его подтвердить сообщение Львова о его намерениях (какие именно намерения имелись в виду, оставалось неясным). Ничего не подозревая, главнокомандующий подтвердил, что Львов уполномочен им передать премьеру некое сообщение, и повторил своё приглашение приехать в Ставку. Тем самым он попался как рыба на крючок.

После этого события развивались стремительно. Рано утром 27 августа Керенский сместил Корнилова с поста Верховного главнокомандующего и распорядился остановить движение войск к Петрограду. В ответ Корнилов заявил, что правительством Керенского совершена «великая провокация», и приказал войскам продолжать движение к столице, что их дезорганизовало окончательно. А из Петрограда в них буквально хлынули агитаторы революционно-демократических партий (большевиков, эсеров, меньшевиков). На стихийных митингах они убеждали казаков и горцев в том, что Корнилов – контрреволюционер и направил их в Питер, чтобы подавить революцию и восстановить «старый режим». Генерал Крымов, по-видимому, тоже сбитый с толку, выехал в Петроград, где у него состоялся очень жёсткий разговор с Керенским, после которого он застрелился.

Временное правительство переживало тяжелейший кризис. Корнилов был объявлен мятежником и изменником, подлежащим аресту и суду. Все министры вышли в отставку. 1 сентября, впредь до формирования нового состава правительства, была создана Директория из 5 министров, а Россия провозглашена республикой. Корнилов был в тот же день арестован в Могилёве. Находясь под следствием, он решительно отрицал факт антиправительственного заговора и мятежа. Он утверждал, что «предательство» премьера способствовало дальнейшему развалу армии и страны. Керенский же до конца жизни уверял, что «корниловский мятеж» был фактом и что именно он, Керенский, спас тогда демократию в России. С.В. Тютюкин на основе тонкого анализа событий при-

ходит к выводу, что «антиправительственный заговор в военной среде, несомненно, имел место, но организован он был очень неумело, по-дилетантски... В настоящий военный мятеж он не вылился» (с. 251).

В итоге Корнилов проиграл. Но победил ли Керенский? Его победу, вероятно, можно было бы назвать «отложенным поражением». Позднее в книжке о «деле Корнилова» Савинков писал, что будущие историки ответят на вопрос о мере ответственности за «корниловщину» и её провал, так много определивший в судьбе России. Думается, что трактовка этих событий Тютюкиным помогает решить этот вопрос. Ответственность следует (пусть и в неравной мере) возложить на всех троих – Корнилова, Керенского и самого Савинкова. «Корниловщину» Тютюкин сопоставляет с известными событиями 19–21 августа 1917 г. (с. 250–251). Действительно, в обоих случаях до конца так и не прояснены изначальные намерения и замыслы сторон (Керенского и Корнилова, М.С. Горбачёва и руководителей ГКЧП). Надо, впрочем, заметить, что Керенский, на мой взгляд, всё же несравним с Горбачёвым, как и генерал Корнилов, например, с В.А. Крючковым или Г.А. Янаевым.

Поражение Корнилова значительно уменьшило политический вес и Керенского, и кадетов, тогда как поле деятельности левых сил существенно расширилось. На политической авансцене теперь доминировали умеренные социалисты – эсеры и меньшевики, контролировавшие ВЦИК Советов, многие местные Советы и другие общественные организации. На эту же сцену быстро выходили большевики. Они активно поддерживали Керенского в дни борьбы с «корниловщиной», за что и были вознаграждены: руки у них теперь были развязаны.

Но армии предстояло ещё сыграть в эпопее Керенского свою роль в дни его окончательного ухода с политической сцены. 25 октября тот покинул Петроград, чтобы собрать верные ему войска и дать бой восставшим большевикам. Добравшись поздно вечером до штаба Северного фронта в Пскове, он обнаружил, что командующий фронтом генерал В.А. Черемисов, получивший ещё 23 октября приказ Керенского отправить войска на помощь Временному правительству, не собирается этот приказ выполнять. Причины его поведения до сих пор не ясны: есть версии о тайных связях Черемисова с большевиками или, наоборот, с правыми монархистами, но, скорее всего, он был обыкновенным карьеристом, которых называли в 1917 г. членами партии КВД (Куда Ветер Дует). Он не мог забыть обиды, нанесённой ему ещё в июле 1917 г. Корниловым и Керенским, не пожелавшими назначить его на освободившееся место командующего Юго-Западным фронтом, и решил теперь отомстить Керенскому.

В решающий момент предали свергнутого премьера и Савинков, и генерал П.Н. Краснов со своими казаками. Свою игру Керенский окончательно проиграл, уйдя сначала в 8-месячное подполье, а в июне 1918 г. покинув Советскую Россию и отправившись в Лондон для переговоров об активизации антисоветской оппозиции. Можно предположить, что в свое время Керенский сознательно не предпринял всех необходимых мер для ареста Ленина после июльских событий 1917 г., в конце же 1917 – первой половине 1918 г. симметричное поведение в отношении поверженного политического противника продемонстрировал уже Ленин. Так это или нет, пока остаётся тайной.

Подведу краткий итог. С.В. Тютюкин написал интереснейшую книгу. Написал вовремя и ко времени. Ведь Россия снова на перепутье, и снова ведутся страстные споры о выборе ею будущего пути. Нет сомнений, что приближаю-

щееся 100-летие 1917 года значительно их обострит. Монография Тютюкина – свидетельство того высокого исследовательского уровня, на который вышли наиболее способные представители последнего поколения ещё работающих советских историков. Посмотрим, чем ответят им молодые.

Анатолий Аврус, Александр Новиков: Что стоит за харизмой?

Труды С.В. Тютюкина всегда отличались стремлением автора к объективному освещению изучаемых проблем, тщательным анализом источников, уважительным отношением к своим предшественникам даже при серьёзном расхождении с ними во взглядах. Эти качества исследователя проявились в полную силу и в последней книге автора. На фоне работ некоторых историков, залихватски расправляющихся со своими коллегами, впечатляет историографический обзор, в котором Тютюкин без всякой предвзятости оценил существенный вклад своих предшественников в исследование жизни Керенского и очень взвешенно и тактично отметил допущенные ими, с его точки зрения, неточности, упущения и ошибки.

Приблизительно треть общего объёма книги посвящена становлению Керенского как профессионального политика и его первым шагам в этом качестве. Как показывает Тютюкин, политическая карьера Керенского явилась результатом стечения многих обстоятельств объективного и субъективного характера. На вершины власти он был вознесён революционной волной 1917 г., чему способствовали его популярность адвоката на политических процессах, накопленный опыт парламентской деятельности в составе IV Государственной думы, умение возбуждать своими речами восторг толпы, личное честолюбие. В ходе выступлений на процессах, а затем и в Государственной думе Александр Фёдорович стал мастером импровизации, никогда не писавшим заранее текстов своих речей и тем более не репетировавшим их. Это качество сильно помогло ему в первые месяцы Февральской революции.

Особо следует отметить подробный анализ автором монографии парламентской деятельности Керенского, поскольку ни в отечественной, ни в зарубежной литературе этому важному аспекту его политической биографии не уделялось должного внимания. На наш взгляд, Тютюкину удалось достаточно полно показать, почему его герой оказался в числе наиболее последовательных лидеров парламентской оппозиции и как его пламенные, зажигательные речи с трибуны Государственной думы принесли ему всероссийскую популярность. И если первое время Керенский придерживался патриотических позиций, то по мере приближения краха самодержавия его выступления приобретали всё более острый характер, в них звучали настоящие якобинские ноты, он стал активно критиковать империализм и политику всех воевавших государств и выступать за мир без аннексий и контрибуций (с. 99). В то же время, как нам представляется, автор несколько преувеличивает планомерность и упорство «осады» самодержавия левыми депутатами думы. Их действия скорее были похожи на постоянные наскоки. Неясно также, интересовался ли Керенский повседневной работой с избирателями и однопартийцами или ограничивался пламенными речами.

События конца февраля – начала марта 1917 г. ознаменовались для Керенского тем, что он сделал первый и, возможно, самый важный шаг к вершине своей карьеры. «В дни Февральской революции, – подчёркивает Тютюкин, –

Керенский превратился в сжатую пружину, проявив незаурядную силу воли, решительность, смелость, умение правильно оценить обстановку и быстро принять единственно верное в тот момент решение. Он показал себя неплохим психологом, тонко чувствовавшим настроения солдатской и рабочей массы и умевшим находить при общении с ней простые и понятные слова» (с. 123). К сожалению, отмечает также автор, эти качества Керенский стремительно терял, взбираясь вверх по карьерной лестнице.

Говоря о деятельности Керенского на посту министра юстиции, Тютюкин показывает, что тот активно вмешивался в политическую жизнь страны, часто выходя за пределы своей компетенции. Главным стимулом такой активности было гигантское честолюбие Александра Фёдоровича, с одной стороны, и его способность своими речами и поведением соответствовать надеждам широких масс, – с другой. Затем Керенский свыше двух месяцев возглавлял военное ведомство, фактически став первым гражданским военным министром России. По мнению Тютюкина, несмотря на огромное желание изменить положение в армии, результаты его деятельности были минимальны и вряд ли их можно оценить позитивно.

В июльские и августовские дни в России произошло много знаменательных событий, в которых Керенский, теперь уже как глава правительства, принимал самое непосредственное участие. Как считает С.В. Тютюкин, он был похож на человека, который опрометью бросился в воду, не зная глубины водоёма. Подробно анализируя действия и выступления премьер-министра в эти дни, автор монографии показывает, что Керенским были допущены многочисленные ошибки, в частности, при назначении на ответственные посты во многом случайных лиц типа Б.В. Савинкова и М.М. Филоненко.

Особенно подробно автор останавливается на том переломном этапе в развитии революционного процесса, который был связан с корниловским выступлением в августе 1917 г. При этом Тютюкин вступает в полемику как с советской, так и с постсоветской историографией, и приходит к выводу, что «антиправительственный заговор в военной среде, несомненно, имел место, но организован он был очень неумело, по-дилетантски. Присваивать ему имя Корнилова можно лишь с большой натяжкой, и в настоящий мятеж он не вылился». Поведение же Керенского «вполне соответствовало тому центристскому политическому курсу, которого он придерживался, но совершенно не соответствовало остроте момента и ожиданиям масс» (с. 251). Поэтому после событий конца августа политическая судьба Керенского фактически была предрешена, хотя сам он этого ещё не осознавал. Излагая события корниловского «мятежа» и последовавший за ним стремительный рост популярности большевиков, автор всё же оставляет открытым дискуссионный вопрос о роли Керенского в этих событиях, хотя сама логика подачи материала и приводимые факты говорят о том, что премьер-министр вёл собственную игру, закончившуюся весьма плачевно и для него самого, и для России.

Немалое внимание автор уделяет взаимоотношениям Керенского и Советов. С одной стороны, премьер считался «посланцем» Советов в правительстве, с другой – явно тяготился опекой Советов и всячески стремился от неё избавиться. Судя по монографии, Тютюкин придерживается традиционной позиции о существовании в России после Февральской революции двоевластия. Однако есть и другая точка зрения: если в столице действительно существовало двоевластие, то на местах – в губерниях, уездах и волостях – многовластие, нередко

перераставшее в безвластие²⁷. Здесь за власть боролись и общественно-исполнительные комитеты, и комиссары Временного правительства, и Советы, и городские думы, и земские управы. Так, в уездном городе Николаевске Самарской губ. (ныне Пугачёв Саратовской обл.) в июле 1917 г. было шесть органов, претендовавших на власть – комитет народной власти, совет солдатских депутатов, совет рабочих депутатов, городская дума, земская управа и комиссар Временного правительства²⁸. Причём с самого начала Февральской революции между ними шла довольно острая борьба, на одном флаге находились исполнительные комитеты и советы, а на другом – комиссары и нередко поддерживавшие их городские и земские деятели. Временному правительству так и не удалось создать более или менее прочные властные структуры на местах в лице своих комиссаров. Более того, практически повсеместно, главным образом на уездном уровне, комиссары подвергались обструкции, их распоряжения игнорировались, а сами они нередко отстранялись от исполнения обязанностей решением исполнительных комитетов и советов²⁹. Этот процесс имел характер широкой политической кампании, показывавшей неудовлетворённость крестьянских масс деятельностью Временного правительства.

Формирование коалиционных правительств мало что меняло. Так, хотя привлечение В.М. Чернова в качестве министра земледелия несколько приглушило противоречия в деревне и темпы её радикализации, но ненадолго. Скоро стало ясно, что все попытки Чернова действовать в интересах подавляющей части крестьянства наталкивались на упорное сопротивление цензовых элементов. Из всех законодательных актов и инициатив, подготовленных министерством земледелия, правительство поддержало лишь отмену указа Столыпина, направленного против общины.

В этой связи хотелось бы видеть в монографии С.В. Тютюкина более обстоятельный анализ взаимоотношений социалиста Керенского как с министрами-социалистами, так и с центральными органами эсеровской и меньшевистской партий, ведь именно эти политические структуры и по численности, и по социальной базе были тогда фактически основной опорой Временного правительства. Как нам представляется, сюжет этот столь же важен, сколь и сложен. Известно, что Керенский вместе с правоцентристскими лидерами эсеровской партии всегда признавал необходимость коалиции с цензовыми элементами. Возникает вопрос: почему? В отечественной литературе на него нет сколь-нибудь обстоятельного и аргументированного ответа. Рискнём предположить, что особо «трепетное» отношение Керенского к принципу коалиции следует искать в его так ярко обрисованных автором монографии личностных качествах, в претензиях на роль харизматического общенационального лидера, объединившего основные социальные силы ради торжества демократии в России. Именно эти качества в значительной степени определяли его курс, противоречивший и программным установкам партии, к которой он себя причислял, и разработанной эсерами политической тактике. Этот тезис объясняет и противоречивость, непоследовательность и безликость социальной политики возглавлявшегося Керенским Временного правительства. Трудно сказать, однако, насколько глубоко осознавали всё это сами приверженцы принципа «коалиции

²⁷ См., например: *Герасименко Г.А.* Народ и власть (1917 год). М., 1995. С. 84.

²⁸ Там же. С. 187.

²⁹ См., например: ГА РФ, ф. 1788, оп. 2, д. 104, л. 3; д. 107, л. 115; д. 122, л. 48; д. 127, л. 35, 148; д. 131, л. 273; д. 132, л. 107.

во что бы то ни стало» и насколько они могли озвучить свою позицию перед бурлившим и клокотавшим российским обществом.

Чернов сумел по-своему подметить данную метаморфозу: «В то время как правые и правоцентристые эсеры верили в незыблемость колоссальной популярности Керенского первых недель революции, группа левого центра всё более и более приходила к выводу, что популярность эта является пулей на излёте и что из фактора революционного развития Керенский превращается в тяжёлую свинцовую гирию, увлекающую правительство в пропасть расслабления и падения»³⁰. Именно эти обстоятельства лежали в основе резкой и открытой критики Черновым политического курса премьера, анализ которой содержится в монографии С.В. Тютюкина (с. 284–285).

Оказавшись в эмиграции, правые и правоцентристы из эсеровского лагеря стали выражать своё видение будущего России куда смелее, хотя и с некоторыми оговорками. В.В. Сухомлин, делясь с Черновым своими впечатлениями о встрече с Керенским в октябре 1920 г., подчёркивал: «А.Ф. убеждён в том, что капитализму во всём мире и в России предстоит ещё большое будущее»³¹. Подробное обоснование такой позиции дал идейный сподвижник Керенского Н.Д. Авксентьев³². Среди эсеров, группировавшихся около Авксентьева и Керенского, постепенно вызревал план создания новой партийно-политической структуры, которая под их непосредственным руководством стала бы единственной эсеровской организацией за рубежом и влияние которой распространялось бы и на деятельность эсеров в России. В конце 1922 г. они выступили с инициативой созыва общеэмигрантского эсеровского съезда. И хотя вместо съезда вышло совещание, здесь впервые «правые» и правоцентристы публично заявили, что «восстановление буржуазно-капиталистических отношений в России исторически неизбежно и экономически прогрессивно, являясь необходимой предпосылкой возрождения ее народного хозяйства и государственного бытия». Поэтому они считали, что «партия не может не вступать во взаимодействие, соглашения и связь с другими социалистическими и несоциалистическими демократическими группировками для общих или согласованных действий»³³. Итак, позиция была сформулирована чётко, цель коалиционной тактики – предельно ясно.

Иным было видение перспектив российского революционного процесса у левоцентристов во главе с Черновым и руководящими партийными органами, находившимися в большевистской России. Они главной целью партии в сложившейся обстановке считали подготовку условий для полной победы трудовой демократии и установление прочного режима народовластия – необходимых политических предпосылок для продвижения к демократическому социализму. Вопрос о будущем общественно-политическом строе России стал основным камнем преткновения в отношениях «правого» и «левого» течений в эмигрантской эсеровской среде, а также между «правыми» и российскими центральными органами ПСР. В то время как «правые», по существу, выступали за либерально-демократическую модель, «левые» продолжали упорно настаивать

³⁰ Протоколы заседаний ЦК партии эсеров (июнь 1917 – март 1918 г.) с комментариями В.М. Чернова // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 10.

³¹ ГА РФ, ф. Р-847, оп. 2, д. 89, л. 3.

³² См.: Авксентьев Н.Д. Сложение сил // Современные записки. 1920. № 2. С. 299–300.

³³ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. М., 2000. С. 932, 937.

на проекте демократического социализма. Этим спором и этой борьбой, то скрытой, то явной, оказалась пропитана политическая атмосфера эсеровской эмигрантской среды в течение почти 20 лет. В центре этих двух, во многом противоположных направлений находились Керенский и Чернов, что и определяло характер их взаимоотношений в 1920–1930-е гг.

В конечном итоге всех примирила начавшаяся Вторая мировая война, когда значительная часть и «правых», и «левых» перебралась в США и влилась в Нью-Йоркскую группу ПСР. В 1940-е гг. Керенский и Чернов, как и другие эмигранты-социалисты, принимали довольно активное участие в общественно-политической жизни эсеровско-меньшевистской эмиграции: были сотрудниками партийного журнала «За свободу», печатались в русскоязычной и англоязычной прессе, участвовали в лекциях и разного рода собраниях, причём нередко совместно, выступали экспертами-советологами, продолжали заниматься исследованием политических вопросов и, конечно же, писали мемуары.

Возвращаясь к новой книге С.В. Тютюкина, мы считаем, что ему удалось объективно оценить личные качества своего героя, показать его слабые и сильные стороны, глубоко проанализировать допускаявшиеся им ошибки и просчёты. Эта книга не только о прошлом. Харизматические личности типа Керенского с завидным постоянством появляются на российской политической сцене. Вот только что или кто стоит за их харизмой, на чём она основывается, кому служит и сколь долговечна? И научимся ли мы извлекать политические уроки из нашего далёкого и близкого прошлого?

Владимир Булдаков: Несколько эскизов портрета Керенского, или нужна ли революции своя мифология?

Новая книга С.В. Тютюкина – не просто интереснейшее исследование об А.Ф. Керенском, но и рассказ о «революционных приключениях российской демократии». О «первом премьере свободной России» так или иначе слышали все, ибо его имя в 1917 г. было на устах у всех его почитателей и ненавистников, а портреты, как и карикатуры на Керенского, были легко узнаваемы и в советское время. При этом даже профессиональные обществоведы не отдавали себе отчёта в том, что имеют дело скорее с образом, чем с реальным человеком. Как быстрый взлёт, так и стремительное падение самого молодого главы российской государственности, а равно и непреходящее изумление перед его феноменом и поныне удерживают эту фигуру в пространстве мифа и мифотворчества. Если судить по учебникам советского времени, то Керенский вынырнул непонятно откуда и провалился непонятно куда, а вопрос о том, насколько неслучайной была подобная фигура в русской истории, остаётся открытым.

И в 1917 г., и позднее Керенского постоянно сравнивали с Хлестаковым, обращая при этом внимание на клонирование этой фигуры на местном уровне. Возникает вопрос: почему гоголевский герой, казавшийся чисто комедийной фигурой, оказал столь серьёзное влияние на судьбы России? Почему российская демократия столь основательно сопряжена с хлестаковщиной? Ведь не приходится сомневаться, что черты гоголевского персонажа постоянно узнаются и в современных политиках. Надо ли Керенского воспринимать «всерьёз», создавая специальные академические исследования? Уместно ли посвящать ему книги

в серии «Жизнь замечательных людей»³⁴? Современные авторы (включая меня самого) главное внимание обращали на процесс сотворения *культы* Керенского в 1917 г.³⁵, забывая о его личности и, соответственно, минуя его деятельность в предыдущий период и не вглядываясь в те его задатки, которые «неожиданно» оказались востребованы в 1917 г. Книга С.В. Тютюкина заставляет задуматься над всеми этими непростыми вопросами.

Сложность работы над политической биографией Керенского заключается и в том, что он, постоянно будучи в 1917 г. на виду, оставил после себя мало документов личного характера. Мемуары здесь не в счёт, так как в своих воспоминаниях все политики основные усилия затратили тогда на самооправдание, причём делали это настолько «искренне», что фигуры их оппонентов оказались искажёнными до неузнаваемости. В таких условиях приходится ориентироваться прежде всего на то, что они хотели утаить, и на те моменты, когда они всё же проговаривались. Представляется, что Тютюкину это в полной мере удалось: за поступками его «героя» видишь нечто большее – и то, что «работало» на него, и то, что, в конечном счёте, обернулось против него. Слов нет, уже в Государственной думе Керенский не раз лукавил. Но лично у меня складывается впечатление, что чаще это была не привычная демагогия оппозиционера, а искреннее, пусть и гипертрофированное чувство. То же самое наблюдалось и после Февраля.

Строго говоря, деятельность Керенского в 1917 г. принадлежит к области революционной *квазиполитики* (или *метаполитики*). Поэтому оценивать его речи, поступки и действия с точки зрения обычного политического поведения бесполезно и бессмысленно. Основное достоинство книги Тютюкина заключается в том, что ему удалось показать, как заметный, яркий, но отнюдь не первый думский политический оратор в течение нескольких дней стал фигурой № 1 Февральской революции. Несомненно, здесь сыграло свою роль выгодное амплуа яростного «разоблачителя» старого режима, но известно, что тем же самым не менее успешно в конце 1916 г. занимались и другие либеральные, социалистические и даже правые (В.М. Пуришкевич) депутаты Государственной думы. Роль «народного защитника» для приобретения политических дивидендов также использовали многие известные адвокаты, но всех их в февральско-мартовские дни 1917 г. безоговорочно опередил именно Керенский. Возникает вопрос: кто сотворил из него «первого любовника революции» – экзальтированные массы или он сам? А может быть, решающую роль сыграло сочетание того и другого?

Мне приходилось не раз приводить всевозможные отзывы современников о Керенском³⁶. До революции он вряд ли мог претендовать на роль неформального лидера общероссийского масштаба. Теперь, почувствовав, что «революцию не остановишь», он начал действовать, обращаясь прежде всего к массам. Несколько своевременно искренних и в то же время театральных жестов с его стороны перед толпами, а затем и восторженная молва о его непререкаемой уверенности в себе и в будущем России превратили его в человека № 1. Скрамная, но понятная для масс должность министра юстиции, т.е. «за-

³⁴ Федюк В.П. Указ. соч.

³⁵ См.: Колоницкий Б.И. Культ А.Ф. Керенского: образы революционной власти // The Soviet and Post-Soviet Review. 1997. № 1–2.

³⁶ См.: Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 128, 277, 299, 382, 394–399, 443 и др.

щитника обиженных», дополнила притягательность его образа. Затем в лице Керенского стал культивироваться образ дореволюционного «народного трибуна», который начал перерастать в величественную фигуру «первого русского гражданина», «народного вождя», «верховного вождя» и т.п. Образ этот словно подтверждал возможность прыжка из «проклятого прошлого» в «светлое будущее». Характерно, что в насаждении подобных иллюзий свою роль сыграли Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус, а М.И. Цветаева, в свою очередь, помогла в создании расхожего сравнения Керенского с Наполеоном. Сам же 36-летний лидер предпочитал более скромное амплуа «старого социалиста».

Керенскому подыгрывали очень многие. «Вокруг Керенского... носились какие-то растерзанные типы обоих полов; всё это в революционной экзальтации галдело, ожидая от Керенского каких-то “чудес”», – писал наблюдатель³⁷. В конце мая в Москве в Большом театре, где Керенский агитировал за «Заём свободы», одна его открытка с автографом была продана за 15 200, другая – за 8 200 руб. Слава Керенского дошла до глубокой провинции, охватывая все слои населения. Представители Могилёвского крестьянского Совета в мае 1917 г. именовали Керенского апостолом революции и освободителем крестьянства. «Группа трудящихся женщин Твери» называла его «Солнцем России». В Киеве солдаты предлагали переименовать Столыпинскую улицу в Керенскую. Характерно, что «вождя российской демократии» вольно или невольно копировал С.В. Петлюра: «С внешней стороны настоящая подделка под Керенского: бритое лицо, френч, иногда отрывистые движения; с внутренней стороны это соединение малой образованности, хитрости, энергии и безграничного честолюбия, едва ли перед чем-либо останавливающегося»³⁸.

Разумеется, были люди, которые чувствовали, что от великого до смешного один шаг. «О, паршивый адвокатишка, такая сопля во главе государства – он же загубит всё!» – неистовствовал известный биолог, человек правых взглядов И.П. Павлов³⁹. За Керенским «наблюдали» примерно так же, как мы сегодня смотрим теледебаты: чья возьмёт? В содержание речей Керенского не особенно вслушивались – важны были эмоции, страсть, способные резонировать с общественными ожиданиями. «Является Керенский, молодой и стройный, в хаки и высоких сапогах, – свидетельствовал А.В. Луначарский. – Овация. Говорит короткими, хриплыми фразами, искренне, часто – ловко, большей частью с благородной пустотой»⁴⁰. Характерно, что позднее большевистские лидеры пользовались теми же театральными приёмами, призывая не к войне до победного конца, а к насилию над теми, кто её продолжал, включая и Керенского. Известно, что Александр Фёдорович активно работал над своим образом и в свои пылкие речи вставлял заранее заготовленные «импровизации». Безусловно, удачной находкой для облика революционного вождя был военный френч без погон (позднее полувоенная форма стала непременным атрибутом большинства большевистских лидеров) и даже засаленная кепка необычного покроя (однажды ее почистили, чем вызвали его искренний гнев). Похоже, что головным уборам пришлось сыграть весьма многозначительную роль в театре русской революции.

³⁷ Там же. С. 128.

³⁸ Там же. С. 277.

³⁹ Там же. С. 398.

⁴⁰ Там же. С. 394.

Чрезвычайно жёсткую характеристику Керенскому как политическому лидеру дал Н.Н. Суханов. «И на посту министра-президента, – считал он, – Керенскому пришлось остаться тем же, чем он был в роли агитатора, лидера парламентской “безответственной оппозиций”, если угодно, в роли народного трибуна: беспочвенником, политическим импрессионистом и... интеллигентным обывателем»⁴¹. Ещё более язвительно высказывался Л.Д. Троцкий: «Керенский был и остался случайной фигурой, временщиком исторической минуты. Каждая новая могучая волна революции, вовлекавшая девственные, ещё не разборчивые массы, неизбежно поднимает наверх таких героев на час, которые сейчас же слепнут от собственного блеска... Его лучшие речи были лишь пышным толчением воды в ступе. В 1917 г. эта вода кипела, и от неё шёл пар. Волны пара казались ореолом»⁴². Но возникает вопрос: а насколько подобные характеристики применимы к другим политикам 1917 г., включая самого Троцкого? Если революция действительно «пожирала своих детей», то не Керенский ли стал первой её жертвой? В сущности, Троцкий лишь довёл до логического конца его ораторскую манеру, заменив туманные абстракции, вроде «республики» и «демократии», доступными словами «земля, хлеб, мир». Но главное – Троцкий всякий раз указывал на «врага», причём его призывы к насилию носили вовсе не показушный, как у Керенского, характер.

Александр Фёдорович понимал, что революция нуждается в особой мифологии. Некоторых это шокировало. Людей старого народнического закала смущали попытки Керенского сделать из них живые иконы. Г. Лопатин рассказывал, как в числе других старых революционеров оказался в театре на встрече с солдатами-волыньцами, где вынужден был восседать в царской ложе. Керенский неожиданно подхватил его и В. Фигнер и «этакою тройкой – сам коренник» подлетел барьеру, едва не вывалившись вниз, и проорал: «Вот они – творцы нашей свободы!»⁴³. Но восхищение перед Керенским у проницательных людей проходило довольно быстро. Ф.И. Шаляпин не без иронии вспоминал, как по длинным коридорам министерства юстиции «взад и вперёд с бумагами носился А.Ф. Керенский», глядя на встречных «недоумевающими глазами», а за ним бежал его адъютант, пытавшийся напоить его молоком из бутылки⁴⁴. Офицеры – люди несколько иной культуры – подмечали, что «народный» министр падок на лесть, окружил себя массой блестящих «штабистов-брюнетов», готовых всякий раз носить его на руках. «Во всех движениях и словах Керенского сквозило что-то от издёрганного неврастеника-актёра», – отмечал один из офицеров⁴⁵. Впрочем, даже в действующей армии находились люди, которые в связи с тогдашним «хаосом» заявляли: «И Гучков, и Керенский не истеричные люди, но и они уже не выдержали»⁴⁶.

З. Гиппиус, женщина пронзительного чутья (в тех случаях, когда оно не подавлялось безрассудным озлоблением) характеризовала Керенского как человека «не очень большого, очень горячего», наделённого «громадной, но чисто женской интуицией – интуицией мгновенья». По её мнению, «и честолюбие у него необыкновенно-женское, цепкое, упрямое, тщеславное, невыдер-

⁴¹ Там же. С. 395.

⁴² Там же. С. 396–397.

⁴³ Там же. С. 397.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Письма – больше, чем воспоминания... Из переписки семьи Семёновых-Тян-Шанских и сестёр А.П. и В.П. Шнейдер. М., 2012. С. 280.

жанное, неумное, даже не хитрое, – но тем оно безмернее»⁴⁷. Спрашивается, зачем тогда той же Гиппиус нужно было создавать культ Керенского? Кажется, что появление тех или иных типажей просто было «запрограммировано» всем «излишне эмоциональным» ходом русской революции.

Во времена социальной нестабильности люди не скупятся на уничижительные эпитеты. Писатель Л.Н. Андреев, называя Керенского «государственным идиотом», заявлял, что тот «в своей слабости преступен перед Россией»⁴⁸. В начале 1919 г. сибирская белогвардейская газета приписывала ему «слепое угодничество разнузданной толпе»⁴⁹. Оставим, однако, хлесткие характеристики того времени – они девальвируют реальные достоинства и недостатки политика. Говорили, что Керенский пытался опереться на самую ненадежную опору – «силу слова». Но на что он мог ещё опереться? На то же самое опирался его противник по партии В.М. Чернов, но харизмы Керенского не снискал. Только ленивый не говорил об истеричности Керенского. Но в патерналистских системах в переломные моменты истории не только в интеллигентах, но и в массах непременно прорывается «вечно бабье» (используя выражение Н.А. Бердяева) начало. Был ли Керенский доктринёром? Безусловно! Но в отличие от большинства социалистических доктринёров того времени он, довольно ловко используя эмоциональное перенасыщение социального пространства, попытался проложить мостик между «передовыми» доктринами и массовыми утопиями. Между прочим, и в этом за ним последовали большевики.

Примечательно, что в своё время находились люди, которые, в сердцах именуя Керенского «канатным плясуном» и «помощником Вильгельма», все же признавали, что, хотя «голова Керенского была наполнена исключительно теорией и доктриной», он тем не менее начал поворачивать «на государственно-практический путь»⁵⁰. Чего в этих характеристиках больше: отчаяния или надежды? В сущности, из набора эпитетов и инвектив в адрес того или иного лидера можно составить представление о политической культуре народа. В данном случае – о степени его (не)готовности к демократии.

Образ Керенского по мере падения его популярности менялся весьма показательно. Так, со временем стали говорить, что его секретарь еврей Д.В. Соскис субсидируется то ли германскими агентами, то ли большевиками, а сам министр-председатель готовит сепаратный мир. Молва приписывала Керенскому и сифилис, и женитьбу на балерине немецкого происхождения, с которой он якобы спал в постели императрицы. После его падения черносотенная газета с удовлетворением сообщала, что этот еврей, «слуга англичан и банкиров», вышвырнут из Зимнего дворца⁵¹. Кое-что из этих наветов со временем стало приписываться Ленину. Создаётся впечатление, что в российской ментальности заложен некий набор положительных и отрицательных стереотипов, которые попеременно используются за или против того или иного политика.

Несомненно, это вызвано отсутствием необходимой связи между словами и делами, характерной для любых патерналистски воспитанных сообществ.

⁴⁷ Булдаков В.П. Указ. соч. С. 399.

⁴⁸ Андреев Л.П. S.O.S.: Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918–1919). М.; СПб., 1994. С. 140, 205.

⁴⁹ Военные ведомости. Ежедневная беспартийная газета (Новониколаевск). 1919. 22 января.

⁵⁰ Богословский М.М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея. М., 2011. С. 447, 307, 388.

⁵¹ Булдаков В.П. Указ. соч. С. 398–399.

Оказываясь в постсамодержавной ситуации, политики «заговариваются», что рано или поздно становится раздражающим фактором. Это было замечено и по отношению к Александру Фёдоровичу. «Если бы страстность, с которой Керенский выступает на трибуне, отвечала его... всегдашней работе, Керенский был бы поистине велик..., – писал один из его былых почитателей. – Но, являясь отличным полемистом с трибуны, Керенский иногда не в состоянии справиться со своей спазматической горячностью... И это придаёт его аффектированному резкому тону характер бессилия»⁵². Таких лидеров обычно добивают – поначалу юмором. Ещё 22 октября организованное В. Хлебниковым из левацких литераторов и художников «Правительство Земного Шара» объявило Временное правительство «несуществующим», а «главнонасекомствующего» Керенского – посаженным под арест.

История событий 1917 года – это не столько политика, сколько психология. Черты истерии, психопатии Керенского оказались изоморфны тогдашним иллюзиям и эмоциям масс. Но нельзя не учитывать и личность самого Александра Фёдоровича. В сущности, он сыграл главную роль своей жизни в марте 1917 г., а на всё остальное не хватило сил и таланта. Нравится нам или нет, портрет Керенского – это лицо массовой психологии переломного времени. Поэтому порой трудно разобраться, где он был искренним, а где лукавил, где действительно импровизировал, а где воспроизводил хорошо отрепетированную мизансцену. Книга Тютюкина написана так, что уровень «честности» Керенского, а заодно и некоторых других политиков того времени, виден более отчётливо. Это тем более ценно, что в силу своей избыточной эмоциональности наша историография все ещё остаётся «близорукой», причём поветрие постмодернизма может довести этот наследственный недостаток до полной неспособности соизмерять масштабность исторических личностей и событий.

Конечно, нельзя не согласиться с автором, что в ситуации с «делом Корнилова» премьер повёл себя безобразно. Увы, в нашей литературе длительное время главным «антигероем» данной ситуации был Корнилов, а не Керенский. Принято считать, что поворотным моментом 1917 г. явилось выступление «контрреволюционного» генерала, окружённого всевозможными авантюристами. Но кто виноват, что оно состоялось? Почему «роковой» фигурой «мятежа» стал дураковатый В.Н. Львов? Какую роль сыграли другие «теневые», отнюдь не однозначные персонажи? Автор, удачно обрисовав окружение не только Керенского, но и Корнилова, убеждает, что объективно главным «виновником» был Керенский. Именно он в разгорячённой обстановке тех дней указал на ложного «врага стабильности» и дал команду к его преследованию. Тем самым была санкционирована новая волна насилия, которая обернулась против него самого и Временного правительства.

С.В. Тютюкин пишет, что Керенский умел выступать не только как актёр, но и режиссёр. На мой взгляд, он мог выстраивать лишь мизансцены. В качестве «режиссёра революции» он провалился. Впрочем, здесь проиграли все. В широком смысле слова это относится и к Ленину. История поставила столь масштабную драму, применительно к которой понятия «переворот» и даже «революция» оказываются мелковаты. Но понять это удаётся лишь с громадным запозданием. Достоинство книги ещё и в том, что поневоле задумываешься: что есть политик в России? Кто им «управляет» – он сам, «закулиса», стоящая за его спиной, или эмоциональное «давление снизу», которого никто не замечает и в которое мало кто верит?

⁵² Там же. С. 398.

Константин Морозов: «Руководство партии с.-р. всегда рассматривало Керенского... как в известной мере попутчика»

Слова, вынесенные в заголовок, были написаны в 1937 г. членом ЦК Партии социалистов-революционеров (ПСР) в 1917–1921 гг. и лидером первой группы подсудимых на процессе эсеров в 1922 г. А.Р. Гоцем в «историческом» разделе его собственноручных показаний в Алма-Ате. Целиком фраза звучала так: «Руководство партии с.-р. всегда рассматривало Керенского как случайного члена партии, органически не связанного с её основным руководящим ядром, как в известной мере попутчика, не принимавшего участия в нелегальной работе партии в дореволюционный период. Для широких же кругов населения Керенский и партия с.-р. представляли одно неразрывное целое. Керенский в глазах страны олицетворял партию с.-р. За подобную оценку партия с.-р. расплачивалась уже в первые месяцы Февральской революции, когда чрезвычайная популярность Керенского привлекла в ряды партии с.-р. огромные массы сочувствующих из кругов интеллигенции, мелкой буржуазии, кооперации, влила в партию с.-р. элементы социально разнородные, быстро разводнившие основные подпольные кадры партии, выкованные в период борьбы с царским правительством и толкавшие партию вправо. Но ещё больше партия с.-р. пострадала, когда популярность Керенского, в особенности после июньского наступления, пошла резко на убыль, и рабочий класс и крестьянская часть армии своё разочарование Керенским перенесли на партию с.-р. в целом. Вместе с тем, благодаря участию Керенского в правительстве с первых же дней революции у партии с.-р. не было периода, когда она находилась бы в открытой оппозиции к правительству. А ведь период оппозиции для всякой политической партии является периодом накопления сил, их оформления, организации, политической консолидации, идейного сплачивания»⁵³.

Размышляя о политической биографии Керенского, пиком карьеры которого оказался 1917 г., и о его месте в истории России, нельзя не отметить их парадоксальность: его стремительное возвышение (а затем крах) были и достаточно случайными, и в то же время очень характерными для революционной эпохи.

Книга С.В. Тютюкина заслуживает самой высокой оценки и по степени своей фундированности (этим отличались и все его предыдущие исследования), и по желанию автора отойти от старых стереотипов в освещении фигуры Керенского и посмотреть на него максимально объективно. Вехи его жизненного пути прослежены автором достаточно скрупулёзно. Читая 2-ю и 3-ю главы книги, где освещается парламентская (и отчасти внепарламентская) деятельность Керенского и его путь к власти, ловишь себя на мысли, что та часть эсеровского руководства и партийных функционеров, которая выступила за бойкот IV Государственной думы, допустила серьёзный политический просчёт. Успешное использование Керенским думской трибуны для продвижения своей политической карьеры подтвердило правоту сторонников участия партии в Думе (Н.Д. Авксентьев и др.), а не их противников. Ни В.М. Чернов, ни Н.И. Ракитников, ни прочие «бойкотисты» и представить себе не могли, что именно в её недрах будет создано Временное правительство будущей революционной России и что именно думская популярность даст малозаметному

⁵³ ЦА ФСБ РФ, Н-1789, т. 95, л. 22–25.

на партийном небосклоне Керенскому возможность стать не только одним из самых популярных эсеров, но и одним из самых популярных людей в стране.

Тютюкин затрагивает в своей книге проблему взаимоотношений Керенского с собственной партией, когда говорит о выступлении своего героя на III съезде ПСР (с. 176), но, как мне представляется, не уделяет ей того внимания, которого она заслуживает. Ведь, с одной стороны, объявив себя эсером, Керенский воспользовался немалым авторитетом ПСР для того, чтобы вознестись на вершины власти. С другой, – страна, воспринимая его как эсера, не представляла, что в руководстве партии его и его политику поддерживает лишь часть лидеров и партийных функционеров. Слившись с Керенским в глазах масс, ПСР не смогла его контролировать должным образом, за что вскоре и расплатилась, когда и сама фигура Керенского, и политика «коалиции во чтобы то ни стало» стали терять свою популярность, что привело к падению авторитета и самой эсеровской партии в глазах широких масс. Вместе с другими причинами это привело к тому, что ПСР, несмотря на то, что была самой массовой и популярной партией, одержавшей победу на выборах в Учредительное собрание даже после захвата власти большевиками, не смогла в должной мере противостоять большевикам и удержать страну на путях демократического развития.

Причин того, почему ПСР оказалась расколотой и малоуправляемой и не оказала должного влияния на события, предопределив тем самым свою судьбу и в немалой степени повлияв на судьбы всей страны, – много, и эта тема заслуживает отдельного серьёзного исследования. Часть этих причин лежит в объективных условиях того времени, в том числе и в накалённости социально-политической обстановки в стране, психологической привлекательности популистских лозунгов большевиков и т.д. Однако возможности для сохранения демократии в России, думается, всё же существовали. Как справедливо говорила член ЦК ПСР Евгения Ратнер на IV съезде партии в декабре 1917 г., для этого нужно было созывать Учредительное собрание на 2–3 месяца раньше и как можно скорее осуществлять на практике аграрные преобразования⁵⁴.

Но помимо объективных обстоятельств искать причины неудач ПСР в 1917 г. следует также в состоянии самой партии и в её действиях, в идеологических расхождениях и личной борьбе за власть в партии, в неизжитых иллюзиях по поводу большевиков, в которых многие эсеры видели не столь страшных врагов, как в Корнилове или Деникине. Кроме того, свою роль сыграло здесь и желание действовать правовыми методами, без экспериментаторства и авантюры. По мнению Гоца, поддержку крестьян и солдат ПСР потеряла из-за оттягивания решения земельного вопроса, а главное – вопроса о мире. При этом причиной затяжки было отнюдь не «предательство интересов крестьянства», в чём эсеры обвиняли большевики, а опасения развалить фронт. Важно подчеркнуть и отсутствие общепартийного вождя, который мог бы объединить и вести за собой руководителей партии и партийную массу. Как справедливо отмечал Гоц, «В.М. Чернов был наиболее видным идеологом партии, но он не обладал ни способностями организатора, ни данными государственного деяте-

⁵⁴ Там же, т. 69, л. 180–181. Цитируемые стенограммы IV съезда ПСР, обнаруженные автором этих строк в Центральном архиве ФСБ, судя по редакторской правке, были подготовлены к печати, но света так и не увидели. Вместо них был издан «Краткий отчёт о работах Четвёртого съезда партии социалистов-революционеров (26 ноября – 5 декабря 1917 года)», который во многих случаях существенно, порой до неузнаваемости искажал ход прений.

ля, ни политической прозорливостью и целеустремлённостью политического вождя»⁵⁵.

По воспоминаниям М.В. Вишняка, наиболее популярным эсером в самой партии в 1917 г. был Чернов⁵⁶. Но гримаса истории заключалась в том, что неожиданно для всех и помимо воли лидеров партии в 1917 г. в глазах России главным её вождём неожиданно стал Керенский. Таким образом, возникла противоречивая и парадоксальная ситуация – для членов партии (старых, а не «мартовских») авторитет Чернова был бесспорен (обратим внимание на то, что свидетельство об этом исходит из уст Вишняка, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к Чернову). Но для большинства «мартовских эсеров» и особенно для широких масс «главным эсером» стал Керенский.

Но хотя многие из эсеровских руководителей явно считали Керенского выскочкой, самозванцем и «попутчиком» и потом эти оценки очень активно воспроизводили, мы не вправе забывать о следующих обстоятельствах. Прежде всего, Керенский всё же не выскочил, как «чёрт из табакерки», в марте 1917 г., ибо к тому моменту уже 2–3 года он был довольно заметной фигурой на эсеровском (и шире – народническом) горизонте (как минимум, в столицах), и даже пытался играть роль объединителя различных народнических групп и сил. Правда, он, безусловно, был чужаком для большинства старых функционеров ПСР. Однако часть видных эсеров (Е.К. Брешко-Брешковская, А.А. Аргунов, Е.Е. Лазарев и др.) не просто признала его в 1917 г., но и очень активно защищала от нападок своих товарищей по партии. На III съезде партии Брешко-Брешковская даже демонстративно отказалась входить в ЦК ПСР после того, как туда не избрали Керенского, и выступила по этому поводу с публичным письмом. Наконец, не следует забывать и того (о чём, кстати, многие и не знают), что пребывание Керенского в ПСР вовсе не закончилось в 1917 г., и он продолжал быть одним из лидеров правого фланга партии и в годы Гражданской войны, и в эмиграции в 1920-е гг.

Чернов в 1931 г. так описывал губительное влияние Керенского на падение авторитета партии в 1917 г.: «Специально для П.С.-Р. положение былоотягчено перманентным скрытым конфликтом с главою правительства А.Ф. Керенским, который номинально оставался членом партии, но явно стремился к “непартийному” положению и одно время успел создать сосредоточение всей власти в руках трёхчленной, потом пятичленной “директории” под своим главенством. Конфликт этот обострился ещё с майского III-го съезда партии, когда Керенский, ещё не сошедший с вершин своей всенародной популярности, давшей ему кличку “первого любовника революции”, не был избран в Центральный комитет, затем осложнился полным расхождением внутри правительства с В.М. Черновым и демонстративным уходом последнего в эпоху запутанных отношений Керенского с его собственным ставленником на посту Верховного главнокомандующего, ген. Корниловым, непрочный, но компрометирующий в глазах всей демократии союз с которым кончился разрывом, неудачной попыткой военного государственного переворота, и капитуляцией мятежного генерала»⁵⁷.

Гоц позже справедливо считал, что руководство ПСР сделало собственную партию заложником действий Временного правительства и Керенского:

⁵⁵ Там же, т. 95, л. 6, 17–19.

⁵⁶ Вишняк М. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 290.

⁵⁷ Hoover Institution Archives, Collection B. Nicolaevsky, Box 10, Folder 5.

«Участие Керенского в правительстве в докоалиционный период приводило к тому, что партия с.-р., не имея возможности влиять на ход политики Временного правительства, тем не менее несла всю полноту ответственности за все шаги его... Совершенно ясно, конечно, что вина за положение, которое [я] только что обрисовал, всецело ложится на Центральный Комитет партии с.-р., который в силу своей бесхребетности мирился с ним и плыл покорно по течению событий, не пытался ими руководить»⁵⁸. Д. Фирсов, отвечая от имени ЦК ПСР на вопрос делегатов IV съезда, почему Керенского не исключили из партии, заявил: «Его роль подлежит несомненно отчасти партийному суду, отчасти историческому суду, но исключить его из партии не было оснований... У нас в ЦК не поднималось вопроса об исключении А.Ф. Керенского из партии. Что же касается его представительства в правительстве, то я вам ответил, что со времени июльского кризиса А.Ф. Керенский не был представителем партии в правительстве... Когда в половине июля все социалистические партии поручили Керенскому составление министерства, с этого момента ЦК перестал считать Керенского делегированным им и он не был делегатом от партии с.-р. в правительство»⁵⁹. Это заявление было весьма похоже на попытку снять ответственность с ЦК за действия одного из видных членов партии, оказавшегося во главе правительства.

Вся страна видела именно эту сторону дела, но не вникала в то, что делегаты съезда смертельно обидели Керенского, «прокатив» его при выборах в ЦК, а сам он демонстративно игнорировал необходимость отчитываться о своей деятельности перед последним. Представляется, что неизбрание Александра Фёдоровича в ЦК ПСР было серьёзным просчётом лидеров партии и делегатской массы съезда. Может быть, помимо щелчка по самолюбию (который, по свидетельству Вишняка, Керенский запомнил на всю жизнь), эсеры не хотели укреплять его позиции, ещё и выбрав в ЦК. Но это было недалёковидно. Напротив, выбрав Керенского и тем самым сильнее привязав его к партии, они решали бы двуединую задачу: не давали бы ему повода обижаться на партию и соответственно усиливать свою независимую от неё игру, а также создали бы рычаг эффективного давления на него.

Объективно Чернов и Керенский оказались конкурентами в борьбе за право считаться вождём ПСР. При этом среди партийных руководителей поддержка Керенского исчерпывалась только несколькими известными именами, зато он был очень популярен в низах партии, среди так называемых «мартовских эсеров». Тем не менее вступать в прямую конфронтацию с Керенским Чернову было сложно, поскольку на защиту премьера встали многие лидеры эсеров, да и ЦК продолжал проводить линию на поддержку Временного правительства. Ситуация усложнялась ещё и тем, что за спиной Керенского стоял Авксентьев, который сам мечтал о лидерской роли в ПСР.

В англоязычной книге начала 1930-х гг., посвящённой юбилею Февральской революции, Чернов, вспоминая о событиях 1917 г., пишет о том, что ему все же надо было провести в жизнь свою линию: и Керенскому, и ЦК следовало бросить вызов, непосредственно апеллируя к низам партии и шантажируя членов ЦК, которым он совершенно напрасно подчинился. Эти строки настолько откровенны, что стоит их привести: «Критические обстоятельства слишком часто требовали резкого поворота руля, но усилия Чернова ослаблял страх за

⁵⁸ ЦА ФСБ РФ, Н-1789, т. 95, л. 25–26.

⁵⁹ Там же, л. 254–255.

судьбу партии. Он действовал менее твёрдо и решительно, чем требовалось для принятия его точки зрения, иногда опасаясь разорвать и без того ослабевшие партийные узы, иногда боясь сбить с толку местные партийные организации своей личной борьбой с Керенским, иногда надеясь, что тактика выжидания и откладывания конфликта поможет выяснить, кто был прав, а кто нет, и безболезненно выправить партийную линию. Возможно, эти причины были уважительными, но следует признать, что Чернов принёс в жертву фетишу недостижимого партийного единства активную защиту той самой программы, которую партия формально одобрила по его инициативе»⁶⁰.

Получалось, что ни Чернов, ни Керенский не могли справиться с ролью лидера ПСР. Не хватило нужных талантов и у Авксентьева, который также пытался конкурировать на этой почве с Черновым. Стоит заметить, что их соперничество продолжилось и после Октября, когда Авксентьев сознательно расстроил попытку Чернова возглавить альтернативное большевикам социалистическое правительство, проект которого тот пытался реализовать на рубеже октября-ноября 1917 г. Но ещё сильнее их личное противостояние проявилось в 1918 г., когда Авксентьев возглавил коалиционную Уфимскую Директорию, поставив в подчинённое положение эсеровский Самарский Комуч. Представляется, что личная борьба Чернова, Авксентьева, а в 1917 г. и Керенского за доминирование в эсеровской партии очень дорого обошлась и самой партии, и всей стране.

Анализируя взгляды историка Г.З. Иоффе на вопрос, был ли шанс у молодой российской демократии противостоять напору большевиков, С.В. Тютюкин, пишет: «Иоффе оставляет место и для альтернативного ответа, указывая на возможный альянс Керенского с Корниловым и подчёркивая роковую пассивность премьера в защите демократии в решающий момент столкновения с большевиками. От себя добавлю, что в исторической ретроспекции, с учётом постсоветского опыта демократизации России и попыток создания в ней гражданского общества, все попытки, предпринятые Керенским в этом направлении в 1917 г., выглядят совершенно непосильными для отдельно взятого человека и тем более конкретно для Керенского. Поэтому и оптимизм Иоффе в данном случае представляется мне не очень оправданным. Более реальной была бы договорённость Керенского с Корниловым» (с. 13–14). Вопрос в том, насколько уместна подобная историческая ретроспекция. Трудно, практически невозможно сравнивать эти две эпохи. Ведь в постсоветском обществе 1991 г. мы видим отнюдь не только черты заметного прогресса, как, например, несравнимо более высокий уровень образования и политической культуры масс, но и заметные признаки регресса. Российское образованное общество и его политическая элита, партии и их функционеры в 1917 г. находились на значительно более высоком уровне, чем после десятилетий террора и советской школы политического выживания. На мой взгляд, одной из важных причин неуспеха демократии в России в 1990-х гг. стала гибель носителей демократической традиции и партий «демократическо-социалистической» ориентации.

Пожалуй, можно согласиться с оценкой С.В. Тютюкиным того места, которое занимал Б.В. Савинков во взаимоотношениях Керенского и Корнилова: «Что касается Савинкова, то он вёл очень сложную политическую игру. Создаётся впечатление, что он не претендовал на роль какого-то единоличного

⁶⁰ Чернов В.М. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1917. М., 2007. С. 378–379.

диктатора, а стремился создать систему рычагов воздействия на режим личной власти Керенского и “управления” его действиями через противостоящую премьеру сильную личность типа Корнилова, с которым Керенский так или иначе вынужден был бы считаться больше, чем с другими генералами и политиками. Эту линию Савинков последовательно и проводил, подталкивая через Корнилова Керенского к более решительным мерам борьбы с большевизмом и анархизмом, в которых ему виделась тогда главная угроза для России» (с. 210). Вместе с тем вызывает возражения оценка Тютюкиным самой личности Бориса Васильевича: «Однако полная человеческая и политическая аморальность Савинкова и его возведённый в квадрат оппортунизм делали этого эсеровского экс-боевика довольно ненадёжным партнером как для Керенского, так и для Корнилова» (с. 211). Представляется, что Тютюкин некритически воспринял образ Савинкова, созданный его многочисленными недоброжелателями. Тот действительно имел в партии немало недругов и пользовался славой «революционного бретёра» и «кавалергарда», а его «Конь Бледный», опубликованный в 1909 г., создал ему в партийных кругах и репутацию «оплёвывателя революции», претендующего на роль «сверхчеловека».

Кроме того, Савинков неоднократно конфликтовал с ЦК по самым разным поводам. Многие мемуаристы склонны были винить его в неудачах Боевой организации в 1909–1911 гг. Заключение Судебно-следственной комиссии по делу Азефа весной 1911 г. вызвало гнев Бориса Васильевича и заставило его полностью отойти от партийных дел. Когда в апреле 1917 г. он вернулся в Петроград, положение его было странным и двусмысленным. С публикацией его «Воспоминаний» в «Былом» он стал весьма известен широкой публике, в том числе и в низах партии, но подавляющее большинство руководителей ПСР относились к нему резко негативно. Показательно, что ему не нашлось места среди делегатов III съезда ПСР, проходившего в мае-июне 1917 г. Той карьерой, которую Савинков сделал в 1917 г., он обязан исключительно Керенскому. 19 июля он стал товарищем министра и управляющим Военным министерством при министре Керенском. По свидетельству В.М. Зензинова, «это назначение было сделано не только помимо ЦК, но и против ЦК, потому что ЦК, как от имени отдельных членов, так и от имени ЦК предупреждал тов. Керенского о том, что назначение Савинкова является крайне неудачным, но, быть может, самая большая беда, самое большое несчастье тов. Керенского и заключалось в том, что он плохо разбирался в людях, и как раз на Савинкове он потерпел одну из тех больших аварий, какие были в его карьере, в чём он и сознался открыто перед теми товарищами, которые его против Савинкова предупреждали»⁶¹. В октябре постановлением ЦК ПСР Савинков был исключён из партии.

Давал ли Борис Васильевич повод для формирования вышеприведённого негативного мнения о себе? Да, будучи личностью весьма противоречивой. Но все же вывод о его полной аморальности представляется слишком одномерным. По свидетельству Зензинова, «настоящий Савинков не походил на того, каким он себя показывал посторонним»⁶². Кто-то тогда справедливо сказал, что Савинкова, рискующего жизнью в России, видели только несколько его товарищей, зато Савинкова, пребывающего в праздности в Париже – сотни людей. Представляется, что фигура этого видного революционера значительно больше и сложнее расхожих представлений о нём.

⁶¹ ЦА ФСБ РФ, Н-1789, т. 69, л. 263–264.

⁶² Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 301–302.

Безусловно, можно согласиться с одним из завершающих книгу выводов С.В. Тютюкина, что «единственно надёжной предпосылкой появления у нас в будущем талантливых, проверенных и перспективных национальных лидеров является сегодня только всестороннее развитие в нашей стране гражданского общества» (с. 300). Хотелось бы добавить только, что это ещё и единственный путь, чтобы историки, анализируя наше время, не завершили бы книгу о нём так же, как С.В. Тютюкин: «Все получили тогда то, что заслужили: и россияне, и Россия, и Керенский. И всё же есть в этом и нечто трагическое. Такова уж, видимо, их судьба» (с. 300).

Материал подготовлен И.А. Христофоровым